

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

СОЧИНЕНІЯ
ДЕРЖАВИНА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

1851.

№ 5.

КОПИИ

ДЕРЖАВНА

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

3.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

1851.

54 - Д.

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

Умисленъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1854.

ВНѢНРОС

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по ошпечатаиіи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

С. Петербургъ, 15 Іюля 1833 года.

Ценсоръ, А. Никитенко.

Александр Смирдинъ

ОПЕЧАТАНО

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА

Изданіе книгопродавца Александра Смирдина.

1833

СОЧИНЕНІЯ ДЕРЖАВИНА.

I. ЦАРЬ - ДѢВИЦА.

Царь жила была Дѣвица ,
— Шепчешь Русска старина —
Будто солнце свѣплолица ,
Будто шихая весна ;

Очи свѣплы, голубыя ;
Брови черныя дугой ,
Огнь — успа, власы — злапые ,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной ;

Въ жилкахъ рукъ ея пуховыхъ ,
Какъ эфиръ, спруилась кровь ;
Между розъ, зубовъ перловыхъ ,
Усмѣхалася любовь.

Родилась она въ сорочкѣ ,
Самой счастливой порой ,

Часть III.

Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренняя зарей.

Кочешъ хлопалъ на нашестѣ
Крыльями, крича сто разъ :
»Сѣверной звѣзды на свѣшѣ
Нѣшъ прекраснѣй, какъ у насъ.«

Маковка злапа церковна
Какъ горитъ средь красныхъ дней,
Такъ священная корона
Мило шеплилась на ней,

И вливала чувствво шайно —
Съ спрахомъ чшишь ее, дивясь;
Къ ней прійши необычайно
Было, не перекрестясь.

На нее смошрѣшь не смѣли
И великіе Цари :
За рѣшеткою сидѣли
На часахъ богатыри ;

И Полканы всюду чудны
Домъ спрегли ея и тронъ ;
Съ колоколень самогудный
Слышался и ночью звонъ ;

Теремъ былъ ея украшенъ
Въ солнцахъ, въ мѣсяцахъ, въ звѣздахъ ;
Ошпивались блески съ башенъ
Во осьми ея моряхъ ;

Въ рощахъ злчныхъ, въ лукоморьѣ,
Въявь гуляла и въ саду,
Лѣпомъ въ лодочкѣ на взморьѣ,
На санкахъ зимой по льду.

Конь подъ ней, какъ вихрь, крутился,
Чувъ Дѣвицу - ѣздока;
Полкъ за нею Нимфъ тащился
По слѣдамъ издалека.

Козъ и зайцевъ быспроногихъ
Спрасъ была ея гонящъ,
Гладищъ ланей злпорогихъ,
И деревъ подъ шѣнью спащъ.

Ей ни мошки не мѣшали,
Ни кузнечики дремащъ;
Тихо въшерки порхали,
Чшобъ ее лишь обвѣващъ.

И по въшкамъ ппички райски
Скакивалъ заморскій кощъ,
Пѣли соловьи Кипайски
И жужукаль водомешъ.

Спашно споя, няньки, мамки
Одадь смѣли чущъ дышащъ,
И бояръ къ ней спозаранки
Въ спальню съ дѣломъ допушащъ.

Съ ними шакъ она въщала,
Какъ изъ облакъ божешво;

Лежа, Царствомъ управляла,
Ихъ жура за шаловство.

Иногда же и шазала
Не однимъ ужъ язычкомъ :

Если больно разсерчала,
То по кудрямъ башмачкомъ.

Всѣ они Царя-Дѣвицы
Такъ боялись, какъ огня ;

Крыли, прятали ихъ лица
Опъ малѣйшаго пашна,

И безъ памяти любили,
Что безхитросна была ;
Ей неправдъ не говорили,
Что сама имъ не лгала.

Шила ризы золошья,
Сплошь низала жемчугомъ ;
Маслила брады съдыя
И не ссорилась съ умомъ.

Жишъ давала всѣмъ въ раздольѣ :
Плавали, какъ въ маслѣ сырѣ ;
Бѣдила на богомолье, —
Божествомъ ее всякъ чшилъ.

Всѣ поля ея зашились
И шумѣли подъ серпомъ,

Тучныя спада водились,
Горы капали серебромъ.

Слава добраго правленья
Разливалась всюду въ свѣтъ;
Всѣ кричали съ восхищенья,
Что ея мудрѣе нѣтъ.

Спиходѣи шу жь бряцали
И на гусяхъ мило ложь;
Въ царствахъ иныхъ повсюду
О Царь-Дѣвицѣ пожь.

И опѣ этого-по грому
Поднялись къ ней женихи
Вереницей къ ея дому,
Какъ фазаны пѣщухи.

Царствъ за ширевашь мудруя,
Вымышляли, какъ хвалишь;
Вздохами любовь полкуя,
Къ ней боялись подступишь.

На слонахъ и на верблюдахъ
Ханъ иной дары ей шлеть,
Подъ ковромъ на Хинскихъ блюдахъ,
Камень съ гору самосвѣтъ;

Тошъ Эдемскаго индея:
Гребень — звѣздъ на немъ нарощь,
Пурпуръ — крылья, яхонтъ — шея,
Изумрудный — зобъ и хвощь;

Колпицъ алы черевички
Несъ — съ бандорой пошъ плясашъ;
Горлицъ нѣжныя лички, —
Нѣжно пѣшь и воздыхашъ.

Но она имъ не склонялась;
Набожна была чрезчуръ:
Только въ шушкахъ забавлялась,
Напущая на нихъ дурь,

Иль велѣла имъ прудишься:
Яблокъ райскихъ ей искашь,
Хохликъ солнцевъ, чтобъ свѣпиться,
Въ шмѣ вѣкъ младосью блисашъ.

Но они понадорвали
Свой живошъ, и спали въ пень;
Чшо искали, — не сыскали,
И исчезли будпо шѣнь.

Тупъ ошкуда ни явился
Царь Царевичъ, или Круль;
Ни людямъ не поклонился,
Ни на Спаса не взглянулъ;

По бедру коня хлестъ задню,
И въ пошъ мигъ невидимъ спалъ, —
Шасъ къ Царю-Дѣвицѣ въ спальню,
И ее поцѣловалъ.

Хоронилася плапочкомъ,
И ворчала хощъ въ сердцахъ;

Но какъ въ слѣдъ его окошкомъ
Хлопнула, — вскричала: ахъ!

Конь къ тому жь въ пуши обрашномъ
Тронулъ съшь садовыхъ спрунь:
Градъ позналъ въ семь звукъ спрашномъ,
Чшо былъ дерзокъ Маркобрунь.

Вошъ и вспалъ дымъ коромысломъ
Ошъ маяковъ по горамъ;
Въ мрачномъ воздухъ, нависломъ,
Ревъ завылъ и по церквамъ.

Кличъ прокликали въ сполицъ,
И гонцы всѣмъ дали вѣспъ,
Чшобъ скакашъ къ Царю-Дѣвицъ,
И, служа ей, мстишъ за чесшъ.

Заскрипѣли двери ржавы
Оружейницъ древнихъ лѣшъ;
Воспрянули мужи славы
И среди пусынныхъ мѣшъ.

Правяшъ снаспи боевыя,
И булашъ и спаль оспряшъ;
Сшарые орлы, сѣдые
Съ соколами въ бой лешяшъ;

И свирѣпы кони въ споймахъ
Топаюшъ, храпяшъ и ржушъ,
На холмахъ и на раздольяхъ
Пыль вздымаюшъ пѣну льюшъ;

Въ слухъ пищали спѣно-бойны,
Распвора чугуны ршы;
Воюпъ въ часъ полночный, сонный,
Чтобъ скорѣй въ походъ иппи.

Идешъ въ шкурахъ рашъ звѣриныхъ,
Съ дубомъ, съ пращей, съ киспенемъ;
Въ перьяхъ пшичьихъ, въ кожахъ рыбныхъ,
И какъ холмъ печешъ чрезъ холмъ;

Занимаешъ спешу, луги
И насадами моря,
И кричишь: «Помремше, други,
За Дѣвицу и Царя!»

»Не плѣнила златомъ, свойствомъ
Насъ она, ни серебромъ,
Но лишь дѣвичьимъ геройствомъ,
Здравымъ и проснымъ умомъ.»

И такъ сими Вождь рѣчами
Взбудоражилъ войновъ духъ,
Что поднявъ бугры плечами,
Распрепали Круля въ пухъ;

И еще въ его бы царствѣ
Только разъ одинъ шагнушь,
Свѣша бѣ не было въ проспранствѣ,
Чѣмъ его и вспомянушь.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась рѣкѣ;

Онъ дрожалъ ея перуна
И въ своемъ ужь чердакъ.

Но какъ онъ Царя-Дѣвицы
Нѣжный нравъ довольно зналъ;
Спалъ паспухъ — и гласъ цѣвницы
Часто ей своей внушалъ.

»Виновашъ,« пѣлъ: »предъ шобою,
Что прекрасна ты, мила,
Сердце прощъ мое рукою.«
— »Сядь со мной!« она рекла.

Такъ и всѣ красопки славны
Дерзоспей не могутъ несть;
Всѣ бывающъ своенравны;
Любящъ жены, дѣвы Chesъ.

II.

ПРИНОШЕНИЕ КРАСАВИЦАМЪ.

Вамъ, красавицы младыя,
И супругъ въ даръ мой,
Пѣсни Леля золошья
Подношу я въ книжкѣ сей,
Нравишься ужь я безсиленъ
И копьемъ и сайдакомъ,

Дурень, спарь и не умиленъ;
Бью спихами вамъ челомъ;
Бью челомъ, — и по морозамъ
Коль вы ѣздише въ саняхъ,
Лѣшомъ ходише по розамъ,
По лугамъ и муравамъ:
То и праха не лобзаю
Я прелестныхъ вашихъ ногъ;
Чувства шѣ лишь посвящаю,
Что любви всеильный богъ
Съ жизнью самой въ кровь мнѣ пламень,
Въ душу силу влилъ огня:
Сыплюшъ искры — снѣгъ и камень
Подъ стопами у меня.

III.

НА РОЖДЕНІЕ

ВЪ СЪВЕРЪ ПОРФИРОРОДНАГО ОТРОКА.

Съ бѣлыми Борей власами

И съ сѣдою бородой,

Попрясая небесами,

Облака сжималъ рукой,

Сыпалъ иней пушисшы,

И мятели воздымалъ;

Налагая цѣпи льдисшы,

Быстры воды оковалъ;
Вся Природа содрогала
Отъ лихова сшарика;
Землю въ камень прешворяла
Хладная его рука;
Убѣгали звѣри въ норы,
Рыбы крылись въ глубинахъ,
Пѣшь не смѣли пшичекъ хоры,
Пчелы пряшались въ дуплахъ;
Засышали Нимфы съ скуки
Средь пещеръ и камышей;
Согрѣвашь Саширы руки
Собирались вокругъ огней.
Въ это время споль холодно,
Какъ Борей былъ разъяренъ,
Ошроча порфирородно
Въ Царствѣ Сѣверномъ рожденъ.
Родился, и въ шу минушу
Пересналъ ревѣшь Борей;
Онъ дохнулъ, — и зиму люшу
Удалилъ Зефиръ съ полей;
Онъ воззрѣлъ, — и солнце красно
Обрашилося къ веснѣ;
Онъ вскричалъ, — и лиръ согласно
Звукъ разнесся въ сей спранъ;
Онъ просперъ лишь дѣтски руки, —
Ужъ порфиру въ руки бралъ;
Раздались громовы звуки, —
И весь Сѣверъ возсіалъ.
Я увидѣлъ въ восхищеньи
Расшворенъ Судебъ чертогъ;

Я подумалъ въ изумленьи:
Знапть, родился нѣкій Богъ.
Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣшломъ облакѣ съ небесъ; —
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тошъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тошъ Художества, Науки,
Украшающія свѣтъ;
Тошъ обиліе, богатство,
Тошъ сіяніе порфиръ;
Тошъ утѣхи и пріятство,
Тошъ спокойствіе и миръ;
Тошъ принесъ ему тѣлесну,
Тошъ душевну красоту;
Прозорливостъ шопъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляючи Царя;
Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
»Будь спраспей твоихъ владытель;
— Будь на тронѣ человекъ!
Всѣ крылами восплескали;
Каждый Геній восклицалъ:
»Се божественный,« — вѣщали —
»Даръ младенцу онъ избралъ!
Даръ всему полезный міру!

Даръ доброшамъ всѣмъ вѣнецъ!

Кто пріемлетъ съ нимъ порфиру;

Будетъ подданнымъ онецъ! « —

»Будетъ,« — и Судьбы гласили;

»Онъ Монархамъ образецъ! «

Льсъ и горы повшорили:

»Упѣшеніемъ сердецъ! « —

Симъ Россія восхищенна

Токи слезны пролила;

На колѣни преклоенна,

Въ руки Острока взяла;

Воспріавъ его, лобзаетъ

Въ перси, очи и уща;

Въ немъ геройство возрасаетъ,

Возрасаетъ красота.

Всѣ его ужъ любятъ спрасно,

Всѣхъ сердца ужъ онъ возжогъ:

Возрасай, Диша прекрасно!

Возрасай, нашъ полубогъ!

Возрасай, уподобляясь

Ты Родителямъ во всемъ;

Съ ихъ пы Маперью равняясь,

Сравняйся съ Божествомъ.

Ахъ! не вы ли на погоси,

Средь стѣнъ, онъ гдѣ А, гмошнмьдъ ии

Въ храмъ Россіи Божіи; йомднъ ии, гмошнъ ии

Блакъ эсфры дѣтъ; гмошнъ ии, гмошнъ ии

Назано влмшнъ ии, йомднъ аз, гмошнъ, гмошнъ

IV.

АМУРЪ И ПСИШЕЯ.

Амуру вздумалось Псишею,
Рѣзвися, поймашь,
Опушаешься цвѣтами съ нею,
И узелъ завязаешь.

Прекрасна плѣнница красишься,
И рвешься отъ него;
А онъ какъ будто бы робѣешь
Отъ случая сего.

Она зовешь своихъ подружекъ,
Чтобъ узелъ развязаешь;
И онъ своихъ крылашихъ служекъ,
Чтобъ помочь имъ подаешь.

Пріятность, младость къ нимъ спремяшся,
И имъ служишь хомяшъ;
Но узники не суешяшся,
Какъ вкопаны спояшъ.

Ни крылышкомъ Амуръ не пронешъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;
Псишея не бѣжишь, ни спонешъ:
Свились какъ листъ съ правой.

Такъ будь, чеша! вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь шверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа.

V.

КЪ ГРАЦІЯМЪ.

Чшо вы, Граціи, шакое?
Красоша ль вы, или младосць?
Вы души, иль шѣла нѣжноешь?
Вы любви ли милы дщери,
Иль магнишъ, сердца влекущій?

На лугахъ ли вы зеленыхъ,
И луга при васъ смѣются;
Во лѣсахъ ли вы шѣнисшихъ,
И лѣса даюшъ прохладу,
Освѣжаешъ воздухъ чувства.

Ахъ! не вы ли на помоспѣ,
Средь сполповъ и переходовъ,
Въ храмъ Росскія Богини,
Какъ зефиры легкокрылы,
Плавно пляшете по арфамъ?

Не на вашихъ ли ланипахъ
Усмѣхаюся лилеи,
И на челахъ, льномъ блестящихъ,
Васильковые вѣночки, —
Вкругъ ихъ звѣзды, солнца въ персяхъ?

Ахъ! не вы ль, небесны Нимфы
Воплощенными намъ зришесь,
И сафирными очами
Льете въ наши души радость,
Сладкіе въ сердца восшорги?

Эшо ты, Петрово племя!
Вы, Екатерины Внуки,
Павла и Маріи Дщери,
Нашихъ Фебовъ, Марсовъ сестры:
Эшо вы, Княжны младыя!

Эшо вы, на коихъ нѣжно
Въ шлемъ бранномъ зришь Россія, —
Подъ профеями, какъ пальма,
На цвѣшны склонясь улыбкой,
Мещешь шѣнь Екатерина.

VI.

Х А Р И Т Ы.

По слѣдамъ Анакреона
Я хопѣлъ воспѣшь Харишъ, —
Фебъ во гнѣвъ съ Геликона
Мнѣ предспалъ и говоришь:
»Какъ! и ты уже небесныхъ
Дѣвъ жelaешь воспѣвать?
Спoлько прелестей безсмертныхъ,
Хочешь смертный описать!
Но бывалъ ли на высокомъ
Ты Олимпъ у боговъ?
Обнималъ ли бrenнымъ окомъ
Ты веселье ихъ пировъ?
Видѣлъ ли Харишъ предъ ними,
Какъ, подъ звукъ пріятныхъ лиръ,
Плясками онъ своими
Восхищающъ горній міръ;
Какъ съ просяжнымъ, шихимъ пономъ
Важно павами плывущъ;
Какъ съ веселымъ, быспрымъ звономъ
Голубками воздухъ выющъ;
Какъ вокругъ онъ спокойно
Величавый мещущъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣхъ движенья спройно
Взору, сердцу говорятъ?
Какъ хишоны ихъ ээирны,

Льну подобные власы,
Очи свѣпные, сафирны,
Помрачающъ всѣхъ красы?
Какъ богини всѣмъ соборомъ
Признающъ: имъ равныхъ нѣтъ,
И Минерва важнымъ взоромъ
Улыбаешся имъ въ слѣдъ?
Словомъ: видѣлъ ли каршины,
Непоспѣжныя уму? —
»Видѣлъ внукъ Е к а т е р и н ы,«
Я оповѣстивалъ ему.
Богъ Парнасса усмѣхнулся;
Давъ мнѣ лиру, оплелъ.
Я спрунамъ ея коснулся,
И младыхъ Харитъ воспѣлъ.

VII.

ПОБѢДА КРАСОТЫ.

Какъ храмъ Ареопагъ Палладъ,
Непшуна презря, посвящилъ:
Пришекъ къ Аѳинской левъ оградъ,
И ревомъ городу грозилъ.

Она копьѣ непобѣдима
Ко ополченью не взяла,

Противу льва неукротима
Съ Олимпа Гебу призвала.

Пошла, — и подъ оливой спала,
Блิสная легкою броней:
Младую Нимфу обнимала,
Сидящую въ шѣни въшвей.

Левъ шелъ, — и подъ его стопою
Приморскій влажный берегъ дрожалъ
Но, вспрысаясь вдругъ со красоюю,
Какъ солнцемъ пораженный, спалъ.

Вздыхалъ и палъ къ ногамъ левъ сильный,
Прелестну руку лобызалъ,
И чувсва крошкія, умильны,
Въ сверкающихъ очахъ являлъ.

Спыдлива дѣва улыбалась,
На молодаго льва смотря;
Кудрявой гривой забавлялась
Сего звѣринаго Царя.

Минерва мудрая познала
Его родящуюся страсть;
Цвѣшочной цѣпью привязала,
И отдала любви во власъ.

Не разъ попомъ уже случалось,
Что умъ смирялъ и яроснь львовъ;

Красою мужество сражалось,
И побѣждала все любовь.

VIII.

КЪ МУЗѢ.

Спрой, Муза, арфу золотую
И юную весну воспой :
Какъ нѣжною она рукой
На небо, море, голубую,
На доли и вершины горъ
Зелену ризу надѣваешь ;
Вкругъ ароматы разливаешь,
Всѣмъ осклабляешь взоръ,

Смотри, какъ цѣпью пщицъ спаницы
Лешашъ подъ небомъ и прубяшъ ;
Какъ жаворонки вверхъ паряшъ :
Какъ гусли тихи, иль цѣвницы,
Звенияшъ ихъ гласы съ облаковъ ;
Какъ ключъ шумишъ, свирѣль взываетъ ,
И между всѣхъ ихъ пробѣгаетъ
Свистъ громкій соловьевъ.

Смотри : въ пропашинахъ желшьюшъ ,
Какъ звѣзды, межъ снѣговъ цвѣшъ ;
Какъ распуспившись розъ кусты

Смѣюшся въ люлькахъ и алѣюшъ;
Сквозь мглу восходишъ знакъ челомъ,
Лѣса въпвями помагаюшъ,
По рдяну водъ спеклу мелькаюшъ
Вверхъ рыбы серебромъ.

Смопри, какъ солнце золотое,
Днесъ лучезариѣе горитъ;
Небесное лице глядишъ
На всѣхъ, веселое, младое;
И будшо вся играетъ шварь,
Природа блещетъ, восклицаетъ:
Или какой себя вѣнчаетъ
Короной міра Царь?

IX.

ПРИШЕСТВІЕ ФЕБА.

Тише, тише, въпры, вѣйше,
Благовоніемъ дыша;
Пурпуровымъ знапомъ рдѣйше,
Воды, долы — и душа,
Спящая въ лѣсахъ зеленыхъ,
Гласовъ, эховъ сокровенныхъ,
Пробудися свѣшлымъ днемъ:
Вспанъ шы выше, выше, холмъ!

Въ лучезарной колесницѣ
Опъ Востока, Фебъ идесть:
Внизъ съ рамень по багряницѣ
Въ кудряхъ золотопечепъ;
А опъ лиры сладкострунной
Божій тихій гласъ перуной
Такъ рѣками въ доли падепъ,
Какъ съ небесъ лазурный свѣшъ.

Ушренней зари прекрасной,
Дней веселыхъ свѣшлый Царь!
Ты, копорый дланью власной
Сыплешь свѣшъ и жизнь на шварь,
Правя легкими вожжами,
Искромешными конями
Обшекаешь міръ кругомъ,
Сшанъ предъ насъ своимъ лицомъ!

XI

Возсіай въ швоей коронѣ,
Давъ лунъ и лику звѣздъ,
На швоемъ опдѣльномъ тронѣ,
Твой лучисшый, милый свѣшъ!
Сшанъ скорый предъ жадны взоры,
Да поюшъ и наши хоры
Радосшныхъ опца сыновъ
Славу, счастье и любовь!

Х.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ.

Возвращается Весна,
И Хариты вкругъ блистающъ,
Взоры смертныхъ привлекающъ.
Гдѣ стоишь, грядешь она,
Воздухъ дышешь ароматомъ,
Усмѣхаешься заря,
Чешуяшся рѣки златомъ;
Рощи, въ зеркала смошря,
На вѣшняхъ своихъ качающъ
Теплы, легки вѣтерки;
Сильфы рѣзвяшся, порхающъ,
Зелень всюду и цвѣткы
Спелюшъ по землѣ коврами;
Рыбы мечущся изъ водъ;
Журавли, вѣясь кругами
Сквозь небесный синій сводъ,
Какъ валпорны возглашающъ;
Соловей гремишъ въ кустахъ,
Звѣри прыгающъ, брыкающъ;
Гласъ ихъ впорихся въ лѣсахъ;
Горшью пахарь дождь на нивы
Съешъ вкругъ себя златой;
Бѣлы парусы игривы
Вздулись на морѣ горой;
Вся Природа шоржесшвуешъ,

Празднуешь Весны приходъ;
Все играетъ, все ликуешь.
Нимфы! спаньше въ хороводъ,
И въ бѣлѣйши снѣга шкани
Облеченны, изо льну,
Просширайше нѣжны длани,
Принимайше вы Весну,
А въ цвѣтахъ ея щедробы,
А въ зефирахъ огонь сердцамъ.
Съ нею жишь лепяшъ Эропы:
Безъ любви нельзя и вамъ.

XI.

П Р А З Д Н И К Ъ

ВОСПИТАНИЦЪ ДѢВИЧЬЯГО МОНАСТЫРЯ.

Если бъ умъ какой чудесный
Споль возвысился возмогъ,
Чшобъ, проникнувъ сводъ небесный,
Въ горній возлешъ чершогъ,
И средь пучь шамъ бирюзовыхъ,
Будпо множество зарницъ,
Бѣлокурыхъ, чернобровыхъ,
Мириады свѣплыхъ лицъ,
Въ ризахъ блещущихъ, эфирныхъ,
Видѣлъ Ангеловъ небесъ;
Съ ихъ агашныхъ, иль сафирныхъ

Черпалъ бы восторгъ очесъ ;
Красоты ихъ лучъ небесной
Изумлялъ бы слабый взоръ ;
Ихъ гармоніи прелестной
Тихій, умиленный хоръ ,
Громкихъ арфъ и лиръ бряцанье
Нѣжно прогали бы слухъ ;
Райскихъ древъ благоуханье
Сладко упояло духъ ;
Видѣлъ бы, что очи плѣнны
Не возмогущъ созерцать ,
И внималъ , что уши бранны
Неудобны въ слухъ внимають ;
Слышалъ , Серафимовъ хоры
Какъ Царя Царей поющъ ,
Какъ вперенные ихъ взоры
Свѣтъ съ Него и радость пьютъ :
Тошъ возмогъ бы, по сравненью
Сихъ божественныхъ чудесъ ,
Живо описатьъ , къ видѣнью
Росскихъ мысленныхъ очесъ ,
Какъ полсвѣща Повелитель
И Его любезный Домъ ,
Павелъ , посѣщалъ обитель ,
Юныхъ дѣвъ священный сонмъ ;
Какъ онъ Его вспрѣчали ,
Будто Бога , иль опца ;
Пѣньемъ души восхищали ,
А красотою всѣхъ сердца ; —

Или если бы рождение

На водахъ кшо зрѣлъ Весны
И ея въ лучахъ явленье
Изъ кристальныя волны;
Съ холма кинувъ быспро око
На прекрасный Волги берегъ,
Гдѣ, разлившия широко
И склоняя свѣшлый бѣгъ,
На Каспійско море спкляно,
Злачныхъ горъ она въ шѣни,
Море гладко, злапордяно,
Предспавляешъ въ ясны дни;
Тамъ бы на песчаныхъ снѣгахъ
Зрѣлъ пернашыхъ онъ сшада,
Чшо, собравшись въ милліонахъ,
Какъ снѣговъ лежишь гряда;
Крошкія межъ нихъ колпицы
Въ спаѣ гордыхъ лебедей,
Сребророзовыя пшицы
Лоснятся поверхъ зыбей,
И шурмуютъ, и играютъ,
И препещущя средь волнъ,
Съ перьевъ бисеръ опряхающъ,
Разноцвѣтный влажный огонь;
Зрѣлъ бы, какъ, сплещясь крылами,
Ходящъ по мелямъ спѣной,
Вдаль расплывшия кругами,
Кличущя промежь собой;
Громкій голосъ ихъ несется
По водамъ и по полямъ;—
Гуль опъ холмовъ раздается,
Изъ - за рощей тихій гамъ:

Топъ возмогъ бы драгоцѣнну
 Ту карпину начерпашъ,
 Какъ Марію несравненну,
 Нѣжную Россіи машъ,
 Юны дѣвы принимали
 Во свящилищѣ своемъ,
 Благотѣно предспояли
 Предъ величешва лицомъ;
 Въ шемной зеленую аллею,
 Древу подровненныхъ въ щѣни,
 Снѣга самага бѣлѣе,
 Легче воздуха въ шкани,
 Передъ Ней онъ играли
 На помосшѣ золопомъ,
 Пѣли, прыгали, плясали
 И рядами и кругомъ;
 Въ даръ священный приносили
 Рукъ издѣліе своихъ;
 Не сокровища дарили,
 Но сердецъ преданность ихъ;
 Лишь того искали взоромъ
 И желали всей душой,
 Чпобъ почпила разговоромъ,
 Иль улыбкой ихъ Своей;
 А въ сей спашъ бѣлоснѣжной,
 Будпо среди пшицъ Весна,
 Къ дѣшамъ взоръ бросаю нѣжной,
 Зрѣлась божешвомъ Она; —

Иль, когда бы къ баснословнымъ
 Кпо восхишась временамъ,

Къ славнымъ, свѣшлымъ, благовоннымъ
На Олимпъ восшелъ пирамъ,
И увидѣлъ бы на ономъ
Подъ паденьемъ шумныхъ водъ,
Подъ яншарнымъ небосклономъ
Въ хладную пещеру входъ,
И молодыхъ въ ней Нимфъ прекрасныхъ,
Славнымъ пиромъ на сполахъ,
На узорчашыхъ, ашласныхъ,
Бѣлыхъ, тонкихъ скашерсяхъ,
Угощающихъ пріятно
Посѣщителей боговъ;
Какъ хишоны ихъ опряшно,
Въ узлы легкихъ облаковъ
Подобравъ онъ приспойно
Леншамъ зарей цвѣшныхъ,
Сановишо и спокойно
Ходяшъ вкругъ госпей своихъ;
Какъ съ улыбкой благородной,
Съ наклоненіемъ чела,
Милой поспушью, свободной
Къ госпю каждая пришла;
Принесли имъ: шѣ въ корзинахъ,
Тѣ въ фарфорахъ прорѣзныхъ,
Въ разноцвѣшныхъ шѣ кувшинахъ,
Въ блюдахъ сребряныхъ, злашыхъ,
Сочножелшые, багряны,
Вкусноспѣлые плоды, —
Въ хрушалахъ напишки хладны,
Сладки, искромешны льды;
Какъ шамъ боги и богини,

Осклабляся, глядяшъ,
Со герои, съ героини
Яснвы сахарны ядяшъ;
Какъ амброзія небесна
Въ алыхъ шаешъ ихъ устахъ,
Разсышаешся чудесна
Пища райская въ рукахъ;
Льешся въ медъ благовонномъ
Вспламеняющій нектаръ,
Въ сокъ розовомъ, перловомъ
Мразъ, гасящій зноя жаръ.
Топъ бы вяшно могъ и живо
Описать сей праздникъ намъ,
Торжесиво то справедливо
И пріятное очамъ,
Какъ подъ свѣсомъ наклоненнымъ
На столповъ бѣлѣйшихъ рядъ,
Плющемъ обвипыхъ зеленымъ
Рукъ художесивомъ, журчащъ,
Къ большей прелеспи Природы,
На прекрасный Невскій берегъ
Лющіесь съ ээира воды,
Для прохлады и для ушѣхъ;
Гдѣ усердіе являли,
И въ привѣшсивіе гостямъ
Дѣвы славный полдникъ дали
И Царицамъ и Царямъ;
Гдѣ ихъ нѣжны сонмы, хоры,
Какъ небесный нѣкій садъ,
Зришелей водили взоры
Межъ ушѣхъ и межъ прохлады; —

Иль, — когда уже Зефиры
Начинають влажно душъ,
Боги въ мягкіе сафиры
Идушъ съ пиршесствъ отдохнушъ,
Какъ злая Феба спрѣлы,
Прядавъ по волнамъ, скользашъ,
Вечеръ пошемняешъ селы,
Окна пламенемъ горяшъ —
Если бъ смершнй дерзновенный
Кшо опважисья споль смѣль,
Чшобъ шаинспвенны, священны
Игры древнія хошѣль
Зрѣшъ украдкой среди ноши,
И по спущаннымъ пропамъ
Проходя кедровой роши,
Вдругъ увидѣль Веспы храмъ;
Зрѣль вокругъ его, Веспалей
Какъ прохаживаетъ спрой;
Огнь виситъ внутри кристалей,
Во шреножникъ спруей
Послѣ жершвы дымъ куришся;
Предъ священнымъ олшаремъ
Каждая дѣвица зришся
Съ преклонившимся челомъ,
Скромной блещущи красою,
Важноспи свяшой полна,
Подъ прозрачною фашою,
Будшо сквозь шуманъ луна;
Купно всѣ съ благоговѣньемъ
Жершвенникъ обходяшъ вкругъ,
И съ шимпановъ удареньемъ

На колѣни падши вдругъ
Передъ образомъ Богини,
Славословіе поюшъ;
За дары, за благосшыни,
Въ жершву ей цвѣшы кладушъ;
И гласяшъ: »О, земнороднымъ
Божесшвамъ прекрасна Машъ!
Если взоромъ благосклоннымъ
Соизволишъ призирашъ
Дѣвъ, Тобою вскармленныхъ,
И прошенью внемлешъ ихъ:
То внуши молишвъ усердныхъ
Гласъ воспишаницъ Твоихъ,
И даруй, да подъ покровомъ
Машерней руки Твоей,
Благонравья въ блескъ новомъ,
Непорочности спезей,
Въ слѣдъ мы ходимъ за Тобою
И досшойными Тебя
Будемъ жизнию свяшою,
Добродѣшель въ вѣкъ любя; «
Зрѣль попомъ бы ихъ въ гуляньи
Средь цвѣшущихъ красныхъ мѣсшъ,
Въ разноцвѣшномъ гдѣ сіяньи
Лѣсь блиспаль лучами звѣздъ;
Какъ съ невинносшью, пишая
Хладъ безспрасшія въ крови,
Забавлялися, не зная
Сладосшнихъ заразъ любви;
Какъ сокрывшись въ лисшя, въ грошы,
И облекшись въ шемну ночь,

Мѣшаяшъ щещно въ нихъ Эропы,
И лешаяшъ съ досадою прочь;
Видѣлъ бы, и шайный зришель
Древнихъ праздниковъ свящихъ,
Игръ сихъ вѣрный былъ сравнишель
Русской Веспы дѣвъ молодыхъ,
Какъ въ вечерній блескъ зарницы,
Подъ прохладнымъ вѣшеркомъ,
День рожденья ихъ Царицы
Проводили шоржесшвомъ.
Вся Россія восплавала
Съ умиленьемъ зрѣшь на нихъ;
Слезы радости роняла;
Такъ привѣшшвовала ихъ:
»Я покоюсь послѣ боевъ, —
Прощѣшайше въ пишинѣ;
Будыше машери Героевъ,
И подпорой швердой мнѣ.«

XII.

РАЗВАЛИНЫ.

Вопъ здѣсь, на ошровѣ Киприды,
Великолѣпный храмъ стоялъ:
Столпы, подзоры, пирамиды
И куполь золошомъ сіялъ.
Вопъ здѣсь, дубами ошненна,
Рѣзная дверь въ него была,

Зеленымъ свѣсомъ покровенна,
Во внутрь зашилища вела.
Вошъ здѣсь хранился кумиры,
Дымилсь жершвой олшари,
Сбирались на молишву міры,
И били ей челомъ Цари.
Вошъ шущъ была уединенной
Поушру каждый день съ зарей,
Писала, какъ владѣшь вселенной,
И какъ сердца плѣнишь людей.
Тущъ поспавлялася прапеза,
Кругъ юныхъ дѣвъ, и соимъ жрецовъ;
Богатство разливалось Креза;
Сребро и злашо средь столовъ;
Тущъ арфы звучныя гремѣли,
И повшорялъ ихъ хоръ пѣвцовъ;
Особо шущъ Сирены пѣли,
И гласовъ сладосшью, спиховъ,
Сердца и умъ обворожали;
Тущъ нектаръ изъ сосудовъ билъ,
Курильницы благоухали,
Зной лѣпнѣй провѣвалъ Зефиръ;
А шущъ крылашые служили
Полки прекрасныхъ, мешкихъ слугъ,
И ошъ богининой носили
Руки амбросію вокругъ.
Она, шущъ сидя, обращалась,
И всѣхъ къ себѣ влекла сердца;
Возспавши, шихо поклонялась,
Блишная щедростью лица.
Здѣсь, въ полдень, уходила въ грошъ,

Покоилась прохлада въ пѣни ;
А шумъ Амуры и Эропы
Уединялись съ ней одни.
Тутъ былъ Эдемъ ея прелестный
Наполненъ межъ купинъ цвѣтовъ ;
Здѣсь шекъ подъ синій сводъ небесный
Въ купальню скрытый шумъ ручьевъ ;
Здѣсь былъ шеапръ , а шумъ качели,
Тутъ Азіатскихъ домикъ пѣтъ ;
Тутъ , на Парнассѣ , Музы пѣли ,
Тутъ звѣри жили для утѣхъ ;
Здѣсь въ разны игры забавлялась ,
А шумъ , прекрасныхъ Нимфъ съ полкомъ ,
Подъ вечеръ красный собиралась
Въ прогулку съ легкимъ посошкомъ ;
Ходила по лугамъ , долинамъ ,
По мягкой муравѣ , близъ водъ ,
По желтымъ среди розъ пропинамъ ;
А шумъ , запѣя хороводъ ,
Велѣла Нимфамъ , Купидонамъ
Играшь , плясашъ между собой
По слышимымъ пріятнымъ тонамъ
Вдали музыки роговой.
Они , кружась , рѣзвясь , лешали ,
Шумѣли , говорили вздоръ ;
Въ зеркалъ водъ себя казали ,
Всѣмъ шѣшили богининъ взоръ ;
А шумъ , оставя хороводы ,
Верхомъ скакали на конькахъ ;
Иль въ лодкахъ разсѣкая воды ,
Въ жемчужныхъ плавали струяхъ.

Киприда шупъ средь миршъ сидѣла,
Смѣялась, глядя на дѣшей;
На восхищающихъ смопрѣла
Поднявшихъ крылья лебедей,
Иль на спаницу сребробокихъ,
Ей милыхъ, сизыхъ голубковъ,
Или на пестрыхъ красноокихъ,
Ходящихъ рыбъ среди прудовъ,
Иль на собачекъ, ей любимыхъ,
Хвосты несущихъ вверхъ кольцомъ,
Другъ другомъ съ лапьемъ гонимыхъ,
Мелькающихъ между лѣскомъ.
А здѣсь, исполнясь важна вида,
На памятникъ своихъ побѣдъ —
Она смопрѣла на Алкида,
Какъ гидру палицей онъ бьетъ;
Какъ прочіе ея Герои,
По манію ея очесъ,
Въ ужасные вступали бой,
И шмы подѣлали чудесъ;
Присшупомъ грады шверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царства покоряли,
И въ плѣнъ водили къ ней Царей.
Здѣсь въ внутренни она чертоги
По лѣспницѣ оплогой шла,
Куда госпимъ ходили боги
И гдѣ она всегда спрегла
Тошъ поясъ, въ небѣ ей испканный,
На коемъ межъ Харимъ съ ней жилъ
Тошъ хипрый Геній, изваянный,

Который счастье ей дарилъ ,
Во всѣхъ ея дѣлахъ успѣхи ,
Трофеи мира и войны ,
Здоровье , радости и смѣхи
И легкіе пріятны сны.
Въ семь перемъ, Олимпу равномъ ,
Изъ яшмъ прозрачныхъ, перловъ гнѣздъ ,
Художесвомъ различнымъ славномъ ,
Горѣли ночью пучи звѣздъ ,
Красу богини умножали ,
И шакъ средь сихъ блаженныхъ мѣсѣхъ
Ее, какъ солнце, представляли.

Но здѣсь ея ужъ нынѣ нѣтъ :
Померкъ красотъ волшебныхъ свѣтъ ;
Все тмой покрылось, запусѣло ;
Все въ прахъ упало, помершвѣло ;
Опъ ужаса вся спынешъ кровь : —
Лишь плачешъ сирая любовь.

XIII.

РОЖДЕНИЕ ЛЮБВИ.

Опоясанна цвѣтами
Сходишъ къ намъ съ небесъ Весна,
И молодыми красотою
Улыбаешься она.
Улыбнулась, — и явились
Розы и лилеи въ свѣшъ;
Благовоныя оживились;
Возблиспалъ на лисьяхъ медъ,
И по рощамъ разгласилось
Хохотаньемъ эхо вновь;
Радость, счастье водворилось:
Намъ родилася Любовь?

XIV.

НА БРАЧНЫЯ ТОРЖЕСТВА.

На розовыхъ крылахъ Темпейску
Эрошъ долину пролеталъ, —
Незапно во спрану Рифейску
Вспорхнулъ, гдѣ Съверъ обиталъ:

Увидѣлъ иней, морозы,
Желѣзны шлемы и мечи,
Военныя вседневны грозы,
Съ оружья блещущи лучи;
Услышалъ ошъ побѣдъ вкругъ звуки:
Тамъ злобъ плѣнной вяжущъ руки,
Тамъ на мяшежъ яремъ кладущъ;
Узрѣлъ, — и съ ужаса и хладу
Крылами въ прѣпелъ взмахнулъ,
Хошѣлъ лептѣшь назадъ въ Элладу;
Но какъ-то факель свой спряхнулъ, —
И въ шмѣ вдругъ искры покапились:
Расцвѣлъ весной полночный край;
Орлы двухъ Царствъ соединились;
Средь Гашчины открылся рай!
Плѣняешъ нѣжный громъ музыки,
Пылающъ тысячи лампадъ,
Харишъ молодыхъ прелестны лики
Въ вѣнцахъ предъ трономъ предстоить:
Тѣ пляшущъ, скачущъ; тѣ играющъ,
Тѣ скромныхъ взглядами очей
Сердца Героевъ поражающъ,
И въ плѣнъ влекущъ богатырей.
Эрошъ, красами удивленный,
«Не царство ль,» рекъ: «я зрю мое?»
Но кто на тронѣ, (дерзновенный!)
Ошнѣвъ у Марса мечъ, копье,
Да и мои всеильны стрѣлы,
Красу здѣсь съ храбростью вѣнчалъ?
— «Маріи, Павла здѣсь предѣлы,
Ему весь Сѣверъ ошвѣчалъ.

Х о р ь.

Кто храбросью и красою
Умѣешь купно обладать ,
Тотъ можешь миромъ и войною
И свѣшомъ всѣмъ повелѣвать.

Вздохнулъ Эрошъ : »Такъ пусть ужъ боги
Не ждуть меня въ Темпейскій долъ ;
Мнѣ свящы Павловы черпоги :
Я въ нихъ поставилъ мой престолъ.

Х о р ь.

Ликуйше , Павелъ и Марія ,
Любовь въ черпогахъ зря Своихъ !
Хоть Ваши дщери , днесъ младыя ,
Надѣли цѣпь Царей чужихъ ,
Но зримъ мы, чувствуемъ неложно
Вашъ разумъ, сердца доброшу :
Гдѣ храбросью плѣнять не должно ,
Туда Вы шлете красшу.

Такъ , Александра ! не войною ,
Но красою плѣни Ты свѣшъ ;
И ты , Елена ! не виною
Будь Царскихъ распръ, народныхъ бѣдъ ;
Но днесъ, любви сопрягшись съ богомъ ,
Юсифъ , Павелъ , Фридерихъ !
Европъ будыше Вы залогомъ
Покоя , счастья , дней злапыхъ !

ЯВЛЕНИЕ АПОЛЛОНА И ДАФНЫ НА НЕВСКОМЪ БЕРЕГУ.

По гранишному я брегу
Невскому гуляшь ходилъ,
Сладкую весенню нѣгу,
Благовонный воздухъ пилъ;
Видѣлъ, какъ народъ шѣснился
Вкругъ одной молодой чепы:
Лучъ съ нея, блистая, лился,
Какъ опъ солнца красоты.
Кшо — я думалъ въ изумлень —
Чудна двоица сія?
Не боговъ ли вновь схождение
Вижу въ ней на землю я?
Вижу почто Аполлона!
Вижу Дафну предъ собой!
Знашь, сошедши съ Геликона,
Тѣшались они Невой.
Такъ, они пришли конечно,
Смершнымъ скрывъ себя лицомъ;
Трепешаніе сердечно
Увѣряло духъ мой въ шомъ.
Такъ, — и въ лицахъ лучезарныхъ
И въ сапфирныхъ ихъ очахъ
Душъ пріятность свѣподарныхъ
Вижу я боговъ въ людяхъ!
Зрѣлъ, съ собой они какъ водяшь

Просвѣщенье, кропосць, вкусъ ;
Какъ Харишы въ слѣдъ ихъ ходящъ ,
И соборы нѣжныхъ Музъ ,
Съ Нимфами поющи, пляшущъ ;
Всплывъ Наяды сверхъ Невы ,
Плещущъ воды; въпры машущъ
Аромашъ на ихъ главы.
Видѣль, Пешрополь дивился
Какъ прекрасной сей чешъ ;
Съверъ свѣшомъ озарился ,
Вспалъ, и, въ мглістой темнотѣ ,
Обогрѣвъ браду замерзлу ,
Тихимъ ихъ сіяньемъ кровь ,
Знича чшилъ въ нихъ и Зимстерлу ,
Возвращенныхъ вкупъ вновь ,
И, ликуя, увѣнчался
Перевязкой изъ цвѣшовъ.
Лель за дѣвою погнался ,
А за юношей — Любовь.
Видѣль, видѣль Аполлона ,
Видѣль съ нимъ и Дафну я !
Радостнаго звукомъ пона
Лира ошдалась моя.

XVI.

ВѢНЧАНІЕ ЛЕЛЯ.

Колоколъ ужаснымъ звономъ
Воздухъ , землю колебалъ ,
И Иванъ Великій громомъ
Въ полночь , освѣщенъ , дрожалъ ;
Я , пріятнымъ сномъ обьяшый
Макова въ шѣни вѣнца ,
Видѣлъ : перемы , палаши ,
Площадь Краснаго Крыльца
Роемъ мальчиковъ лепучимъ
Облелеяна кругомъ !
Лѣсомъ шлемы ихъ дремучимъ ,
Лапы — златомъ и серебромъ ,
Копья — спалію блиспали
И чужь видѣлись сквозь мглы ;
Спаями сверхъ ихъ лешали
Молненосныя Орлы .
Но лишь солнце появилось
И зашепились креспы ,
Море зыблюще опкрылось
Разныхъ лицъ и песпропы ! —
Шумъ , съ высошъ ліась рѣкою ,
Всѣми чувспвы овладѣлъ :
Своды храма предо мною
Я опверспыми узрѣлъ .
Тамъ , въ волнахъ толпы спѣсенной ,

Въ думъ весь Синклишъ споялъ ;
Я въ душъ моей смященной
Нѣкій ужасъ ощущалъ.
Но на пронѣ тамъ обширномъ ,
Во священной темнотѣ ,
Вдругъ въ сіяніи порфирномъ
Усмопрѣлъ на высотѣ
Двухъ я Геніевъ небесныхъ :
Коль безчисленны красы !
Сколько нѣжностей прелестныхъ !
Златоспрудычашы власы ,
Блескъ сапфира, розы рання
Ихъ успень , ланишъ , очесъ ,
Улыбаясь , брали дани
Съ восхищенныхъ шмы сердець ;
И одинъ изъ нихъ , вѣнчаясь
Діадимою Царей ,
Ей , чешъ своей , касаясь ,
Удвоился блескомъ въ ней.
Тупъ изъ оконъ самыхъ верхнихъ ,
По сверкающимъ лучамъ ,
Тѣни Самодержцевъ древнихъ ,
Ниспущившиися во храмъ
Прежни лица ихъ пріяли ,
И сквозь ликовъ торжества
Въ изумленьи вопрошали :
« Кто такія божества ,
Что облекшись въ младость смертныхъ ,
Съ крошестію скиптръ берутъ ,
На обширность спранъ несмѣнныхъ
Цѣпь цвѣточную кладутъ ,

И весь Стверь въ мигъ плѣнили
Именемъ однимъ Царя?
Громы духъ мой пробудили:
Разглашалось ура!

Чшо такое сонъ сей значить?
Я съ собою размышлялъ:
Духъ ликуешъ, сердце скачешъ;
Ошъ чего? я самъ не зналъ.
Кшо на Царство шакъ вѣнчался?
Кшо шакъ души всѣ плѣнилъ?
Кѣмъ я сполько восхищался,
Сладоспныя слезы лилъ?
Послѣ Музы мнѣ сказали,
Кшо шакъ свѣтомъ завладѣлъ:
»Царь сердець,« онъ вѣщали:
»Богъ любви, всеильный Лель.«

XVII.

БЕСѢДА СЪ ГЕНІЕМЪ.

Восхищенный явнымъ сномъ
Въ небо я моей душою,
Видѣлъ, Геній подъ вѣнцомъ
Собесѣдовалъ со мною.
Бѣлокуръ, голубоокъ,
Молодъ и лицомъ прекрасенъ,
Росшомъ спроенъ и высокъ,

Тихъ, привѣшливъ и пріятенъ
Взору, сердцу и уму.
И во снѣ его былъ вняшенъ
Голосъ сердцу моему:
»Слушай, спарый пѣснопѣвецъ!
Послужи еще мнѣ,« рекъ:
»Я не грозный Громовержецъ,—
Крошкѣй Царь и человѣкъ:
Прозвучи мою пы славу.« —
Взялъ я лиру, спрою вновь, —
И пою его Державу
И къ опечеснву любовь.

XVIII.

М Е Ч Т А.

Вошедъ въ шалашъ мой поропливо,
Я вижу мальчикъ въ немъ сидишь,
И въ уголку кремнемъ въ огниво,
Мнѣ чудилось, звучишь.

Рѣкою искры упали
Изъ рукъ его, во пмѣ горя,
И розы по лицу блисшали,
Какъ упрення заря.

Одна пущъ искра опдѣлилась,
И на мою упала грудь;

Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась;
Не смѣла я дохнушь; —

Сстояла бездыханна, мѣла,
И съ мѣсна не могла спунить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —
Не то ль зовушь любить?

Люблю! Кого? сама не знаю.
Исчезъ меня прельстившій сонъ;
Но я съ тѣхъ поръ, съ тѣхъ поръ страдаю,
Какъ бросилъ искру онъ.

Тоскуешь сердце! Дай мнѣ руку;
Почувствуй пламень сей мечшы,
Виновна ль я? Прерви мнѣ муку:
Любезенъ, милъ мнѣ ты!

XIX.

КЪ АНЖЕЛИКЪ КАУФМАНЪ.

Живописица преславна,
Кауфманъ, подруга Музъ!
Если въ кисть твою вліяна
Свыше живость, чувство, вкусъ;
И списавъ Данаевъ, древнихъ
Намъ богинь и красныхъ женъ,
Пережишь въ своихъ безцѣнныхъ

Ты могла карпинахъ плѣнь :
Напиши мою Милену ,
Бѣлокурую лицомъ ,
Спройну спаномъ , восвышенну ,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ ;
Чшобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей ,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней ;
Чшобъ , на всѣхъ взирая хладно ,
Полюбила лишь меня ;
Чшобы сердце безоправно
Въ гробъ съ Плѣнирой схороня ,
Я нашелъ бы въ ней обратно ,
И плѣнясь ея красой ,
Оживился бы спокрапно
Молодой моей душой .

XX.

АНАКРЕОНЪ ВЪ СОБРАНІИ.

Нѣжный , нѣжный воздыхашель ,
О пѣвецъ любви и нѣги !
Ты когда бы лишь увидѣлъ
Сшолько Нимфъ и сполько милыхъ ,
Безъ вина бы и безъ хмелю
Ты во всѣхъ бы въ нихъ влюбился ,
И въ мечпѣ , иль въ восхищеньи ,

Ты бы видѣлъ , будто въ явѣ :
На спаницѣ пшичекъ бѣлыхъ
Во жемчужной колесницѣ ,
Какъ на облачкѣ весеннемъ
Тихимъ воздуха дыханьемъ ,
Со колчаномъ вѣсся мальчикъ ,
Съ позлащеннымъ легкимъ лукомъ ,
И шуда , сюда лепашъ ,
И садился онъ по Нимфамъ ,
То на ту , то на другую ,
Какъ садятся желты пчелы
На цвѣты въ поляхъ младае .
Онъ у шой блиспалъ во взглядахъ
У иной блиспалъ въ улыбкѣ ,
И пускалъ опшуда жалы ,
Какъ лучи пускаешъ солнце .
Жалы были ядовишы ,
Но и меду были слаще ;
Не пролешывали мимо ,
Попадали прямо въ душу ;
И душа бѣ швоя шомилась ,
Уязвленная любовью ;
Лишь Паллады щипъ небесной
Ушопилъ швой бы вздохи .

XXI.

СПЯЩІЙ ЭРОТЪ.

Ходя въ рощицѣ тѣнистой
Видѣлъ тамъ Эроша я :
На полянкѣ розъ душистой
Спалъ прекрасное дышя :
Сквозь пріятный сонъ, умильный,
Смѣхъ сіялъ въ лицѣ его ;
Будто яблочки наливны
Рдѣлись щеки у него.
Почивая безоружнымъ
Снѣжной грудью онъ блескъ ;
По вѣшьямъ, надъ нимъ окружнымъ ,
Лукъ спущенный , шулъ висѣлъ.
Пчелы вкругъ его лезали ,
Какъ на розъ шумящій кустъ ;
Капли меду собирали
Съ благовонныхъ сладкихъ устъ.
Въ рощу Граціи вбѣжали ,
И нашедъ Эроша въ ней ,
Пошихоньку привязали
Къ красотѣ его своей ;
Разбудя жъ его, плясали
Средь цвѣточныхъ съ нимъ оковъ :
Неразлучны съ тѣхъ поръ спали —
Гдѣ пріятность , тушъ любовь.

XXII.

КЪ ЛИРѢ.

Пѣшь Румянцева собирался,
Пѣшь Суворова хопѣль;
Громъ опѣ лиры раздавался
И со спрунъ огонь лешѣль.
Но зависливой судьбою
Задунайскій кончилъ вѣкъ,
А Рымникскій скрылся шмою,
Какъ неславный человѣкъ.
Чшо жь? Пріятна ли имъ будетъ,
Лира! днесъ швоя хвала?
Міръ безъ насъ не позабудетъ
Ихъ безсмершныя дѣла.
Такъ не надо звучныхъ спроевъ;
Переладимъ спруны вновъ;
Пѣшь опкажемся Героевъ,
А начнемъ мы пѣшь любовь.

XXIII.

КЪ САМОМУ СЕБѢ.

Чшо мнѣ, чшо мнѣ суешиться,
Выючипъ бремя должностей,
Если міръ за то бранишся,
Чшо иду прямой спезей?

Пусть другіе работаютъ, —
Много мудрыхъ есть господъ —
И себя не забываютъ,
И Царямъ сулятъ доходъ.
Но я шѣмъ колъ бесполезенъ,
Что горячъ, и въ правдѣ чорнъ:
Музамъ, женщинамъ любезенъ,
Можешь пылкой быть Эрозъ.
Спану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко ѣсть и пить и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать.
Полно быть въ дѣлахъ горячимъ:
Буду лишь у правды гость;
Тонкимъ сдѣлаюсь подъячимъ,
Распворю пошире горсть.
Упрямъ раза три въ недѣлю
Съ милой Музой порѣзвлюсь;
Тамъ опять пойду въ постелю
И съ женою обоймусь.

XXIV.

КЪ СОФІИ.

О сколь, Софія, ты пріятна
Въ невинной красотѣ твоей!
Какъ чистая вода прозрачна,
Блิสная розовой зарей.

— XXV. —

ПОТОПЛЕНИЕ.

Изъ - за облакъ мѣсяцъ красный
Вспалъ и смогрился въ рѣкъ;
Сквозь шуманъ и мракъ ужасный
Пушникъ ѣдетъ въ челнокъ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ;
Онъ гребетъ сквозь волнъ и шумъ;
Мысль веселье воображаетъ;
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ погрузился:
Пушникъ мрачну пьетъ волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнемъ внизъ пошелъ ко дну.

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ ни льсти;
Всѣ поподемъ въ безднѣ вѣчной. . . .
Дружба и любовь, прости!

П И Ф О С Ф

О скорѣ, Софій, люба

Въ вѣчной красотѣ твоей!

Какъ ясная вода прозрачна

Въ розовой розовой зрѣи.

XXVI.

НА БРАКЪ ГРАФИНИ ЛИТТЫ.

Діана съ голубаго шрона,
 Въ полукрасъ своихъ лучей,
 Въ объятія Эндиміона
 Какъ сходишь скромною спезей,
 Въ хитонъ воздушный облеченна, —
 Чело вокругъ въ звѣздахъ горишь, —
 Въ безмолвной тишинѣ вселенна,
 На лунной блескъ ея глядишь;
 Иль виноградна въшвь молодая,
 Когда подпоры лишена,
 Поблекнешь, долу упадая,
 Но въперкомъ оживлена,
 Вкругъ себѣ новаго средь лѣща,
 Обвившись лиспьями вспаешь,
 Цвѣшешь и солнцемъ обогрѣша,
 Румянцемъ взоры всѣхъ влечешь:
 Такъ ты, въ женахъ, о милый Ангелъ!
 Магнишь очей, заря безъ шучь,
 Какъ бракъ швой вновь позволилъ Павелъ,
 И кинулъ на шею свой лучъ,
 Подобно розѣ развернувшись,
 Любви душею расцвѣла.
 Ты красота, что, улыбнувшись,
 Свой поясъ Марсу опдала.

XXVII.

ИТКРЕЗОВЪ ЭРОТЪ АН

Я у Креза зрѣль Эроша:
Онъ расплакавшись сидѣлъ
Среди мраморнаго гроша,
Окруженный лѣсомъ спрѣль.

Пуспѣ колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна пешива,
Факель хладомъ околдованъ,
Чуть спруилась синева.

Что, сказалъ я, шакъ слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль поликими спрѣлами
Въ сердце чье попалъ не могъ!

Иль его безсиленъ пламень?
Тщешенъ покъ опасныхъ слезъ?
Ахъ! нашла коса на камень:
Знашь, любить не можешь Крезъ.

XXVIII.

КЪ ЕВТЕРПЪ.

Пой, Эвтерпа дорогая!
Въ струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна молодая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласпочкой порхаешь радосшь,
Крашко соловей поешь:
Красоша, пріятносшь, младосшь,
Не увидишь, какъ пройдешь.

Браннымъ шлемомъ покровенный
Марсъ своей пусть жертвы ждешь;
Рано ль, поздно ль, побъжденный
Голіаѡъ предъ нимъ падешь;
Вскинешъ пусклый и багровый
Съ скрежешомъ къ нему свой взглядъ,
И вѣнецъ ему лавровый,
Хоть не хочешь, да опдасшь.

Пусть придворный суешился
За форшуною своей,
Если бышь ему случился
И наперсникомъ у ней;
Рано ль, поздно ль, онъ наскучишь
Кубаришься кубаремъ;

Насъ форшуна часто учишь
Горемъ бышь богатыремъ.

Время все перемѣняешь :

Пшицъ умолкъ весеннихъ свисъ ,

Лѣшю знойно пробѣгаешь ,

Травъ зеленыхъ вянешъ лисъ ;

Идешъ осень злаповласа ,

Спѣлые несешъ плоды :

Красножелша ея ряса

Превратишся скоро въ льды.

Марсъ устанешъ , — и любимецъ ,

Счастья возмешъ свой покой ;

У швоихъ ворошъ и крымецъ

Царедворецъ и Герой

Брякнушъ въ кольца золотыя :

Ты съ согласія опца

Бросишь взоры голубые

И зажжешъ у нихъ сердца.

Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоришъ

О любви швоей къ себѣ ,

Сына нѣги онъ поборешъ

И понравится тебѣ ;

Качесшва швои любезны

Всею душою люблю ,

Опершись на щипъ желѣзный ,

Онъ воздремлешъ близъ тебя.

Пой , Эвтерпа молодая !

Прелесью своей плъни ;
 Бога браней усыпляя ,
 Громъ изъ рукъ его возьми.
 Лавромъ голова нагбенна
 Къ персямъ склонися швоимъ ,
 И должна тебѣ вселенна
 Будешь вѣкомъ золошымъ.

XXIX.

АНАКРЕОНЪ У ПЕЧКИ.

Случись Анакреону
 Марию посѣщать ;
 Межь ними Купидону ,
 Какъ бабочкѣ , лепашь.

Лепаль божокъ крылашый
 Красавицы вокругъ ,
 И спрѣлы онъ пернашы
 Накладывалъ на лукъ ;

Спрѣляль съ ея небесныхъ
 И голубыхъ очей ,
 И съ розъ въ устахъ прелесныхъ ,
 И на грудяхъ съ лилей.

Но арфу какъ Марія ;
Звончашую взяла ,
И въ струны золотыя
Свой голосъ издала :

Подъ алыми перстами
Порхалъ рѣзвѣ богъ ,
Оспрѣйшими стрѣлами
Разилъ сердца и жегъ.

Анакреонъ у печки
Вздыхнулъ тогда сидя ;
»Какъ бабочка онъ свѣчки ,
Сгорю« — сказалъ — »и я.«

XXX.

Г Е Р К У Л Е С Ъ .

Геркулесь пришелъ Данаю
Мимоходомъ навѣсмишь :
Я , сказалъ , побой пылаю
(Онъ хопѣлъ съ ней пошумишь).
Съ важнымъ взоромъ и умильнымъ ,
Пламени въ лицѣ полна ,
Вздумала съ Героемъ сильнымъ
Также пошумишь она.

Начала съ нимъ разговоры ;
Рѣчь за рѣчь и онъ повелъ ;
Какъ-то вспрѣшились ихъ взоры ;
Нечувствительно , онъ сѣлъ ;
И межъ шѣмъ , какъ занялися
Такъ они шуша собой ,
Гдѣ , откуда ни взялися
Мальчиковъ крылашихъ спрой ;
Вкругъ лешали , шурмовали ,
Надъ главами ихъ паря ,
И подкравшись тихо крали
Все вокругъ богатыря ;
Тошъ унесъ , кряхтя , дубину ;
Тошъ сайдакъ , тошъ спрашный мечъ ;
Сшеребили кожу львину
Тѣ съ его могущихъ плечь .
Не могла не улыбнуться
Красоша , какъ шлемъ сняла ;
Не успѣлъ онъ оглянуться —
Въ шлемъ спрось гнездо свила ,

XXXI.

ПЧЕЛА.

Пчека злапая !

Чшо шы жужжишь ?

Все вкругъ лешая ,

Прочь не лепишь ?

Или шы любишь

Лизу мою !

Сопы ль душисты

Въ желтыхъ власахъ ,

Розы ль огнисты

Въ алыхъ успахъ ,

Сахаръ ли бѣлый

Грудь у нея ?

Пчелка злапая !

Чшо шы жужжишь ?

Слышу , вздыхая ,

Мнѣ говоришь :

Къ меду прилипнувъ ,

Съ нимъ и умру.

XXXII.

Л Ю С И.

О ты, Люсинька любезна!
Не бѣги меня, мой свѣшъ,
Что млада ты и прелестна,
А я дурень, спарь и съдь.
Взглянь на розы и лилей:
Лель изъ нихъ вѣнки плещь.
Вкругъ швоей пріятень шей
Розовый и бѣлый цвѣшъ.

XXXIII.

Б О Й.

Преодо мной хопъль горою
Хладный Сѣверъ въ боѣ спашь,
Если мнѣ любовь свѣчою
Придесть душу зажигасть.
Въ мигъ съ перомъ съдымъ, кудравымъ,
На меня надѣль шеломъ,
Воружилъ лицомъ багрянымъ
И съ морщинами челомъ;
Даль копье мнѣ ледяное,
Препоясалъ вкругъ мечемъ;
Сердце мнѣ вложилъ такое,

Что смопрѣлъ я Сенсябремъ.
На доспѣхи положася ,
И что весь я ледяной ,
Я красавицъ не спрашася ,
Звалъ Любовь съ собою въ бой.
Тупъ опкуда не возмися ,
Предо мною Лель предспалъ ,
Красной дѣвой нарядился ;
Перевѣдайся , сказалъ .
Выступилъ я смѣло къ бою ,
Наложа на сердце щипъ ;
Мечъ рукой , копье другою
Я поднявъ , хопѣлъ разить .
Почалъ Лель перить въ щипъ стрѣлы ,
А доспѣхи жечь свѣчой ;
Стрѣлы , падая , шипѣли ,
Шлемъ блиспалъ на мнѣ зарей .
Я ужъ думалъ , бой свершился ,
И что я-то былъ Герой ;
Лель упорствомъ разсердился ,
Самъ вскочилъ мнѣ въ грудь стрѣлой :
Въ часпи мелкія кольчуга
Разлещѣлась , — я спалъ нагъ .
Ахъ ! щепина защища друга ,
Если въ сердце впился врагъ .

XXXIV.

КУПИДОНЪ.

Подъ медвѣдицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Какъ на мѣрѣ сей сонъ всеобщей
Сыпалъ маковы цвѣты;
Какъ спокойно всѣ ужь спали
Опягченные трудомъ,
Слышу въ двери заспучали
Кто-то громко вдругъ коломъ.
Кто, спросилъ я, въ дверь спучится
И тревожишь сладкой сонъ?
«Отвори: чего спрашиваешься?» —
Отвѣчалъ мнѣ Купидонъ —
«Я ребенокъ: какъ-то сбился
Въ ночь безлунную съ пути;
Весь дождемъ я замочился:
Не найду, куда идти.»
Жаль его мнѣ очень спало;
Вспалъ, и высккъ я огня:
Отворилъ лишь двери мало, —
Прыгъ дымя передъ меня.
Въ шულъ лукъ на немъ и стрѣлы;
Я къ огню съ нимъ поспѣшилъ,
Теръ руками руки мерзлы,
Кудри влажны сушилъ.
Онъ успѣлъ лишь обогрѣться,
«Ну, посмотри-ка — сказалъ —

»Хорошо ли лукъ мой гнешся?
Не испорченъ ли чѣмъ спаль?«
Молвилъ, и стрѣлу мгновенно
Оспрую въ меня пушилъ;
Ранилъ сердце мнѣ смертельно,
И смѣясь, говорилъ:
»Не шужи: мой лукъ годится,
Теплива еще цѣла.«
Съ тѣхъ поръ началъ я крушиться,
Какъ любви во мнѣ стрѣла.

XXXV.

ГОРЮЧІЙ КЛЮЧЬ.

Подъ свѣсомъ шумныхъ пополовыхъ
Кустовъ, въ тѣни, Кипридинъ сынъ
Покоился у водъ перловыхъ,
Біющихъ съ горъ, и факель съ нимъ
Лежалъ въ правѣ, чупъ чупъ куряся.
Пришли шупъ Нимфы, и дивяся,
»Чпо намъ!« — сказали — »Какъ съ нимъ бышь?
Дай въ воду, въ воду пошопишь,
А съ нимъ и огонь, чѣмъ всѣ сгараюшь!«
И вошь! — кипишь ключъ дѣной весь;
Съ купающихся Нимфъ спекаюшь
Горящія струи поднесь.

КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Зевесъ быкамъ далъ роги,
Копыта лошадямъ,
Проворны зайцамъ ноги,
Зубасты зѣвы лвамъ;
Способность плавать рыбамъ,
Пареніе орламъ,
Беспрашный духъ мущинамъ;
Но чшожь онъ далъ женамъ?
Чѣмъ все то замѣнишь?
Красой ихъ надѣляешь:
Огонь и мечъ и щипъ,
Красавица сражаешь.

XXXVII.

СОЛОВЕЙ ВО СНѢ.

Я на холмѣ спалъ высокомъ ,
Слышалъ гласъ швой, соловей;
Даже въ самомъ снѣ глубокомъ,
Вняшенъ былъ душѣ моей :
То звучалъ , то опдавался ,
То спеналъ , то усмѣхался
Въ слухъ издаече онъ , —
И въ объятіяхъ Камлесты
Пѣсни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкій сонъ.

Если по моей кончинѣ ,
Въ скучномъ, безконечномъ снѣ,
Ахъ! не будушъ шакъ , какъ нынѣ ,
Эши пѣсни слышны мнѣ ,
И веселья и забавы
Плясокъ , ликовъ , звуковъ славы
Не услышу больше я :
Стану жъ жизнью наслаждашся ,
Чаще съ милой цѣловашся ,
Слушаешь пѣсни соловья.

XXXVIII.

ВЕНЕРИНЪ СУДЪ.

На розъ опочила,
Въ лиспахъ пчела сидя,
Вдругъ въ пальчикъ уязвила
Венерино дитя:
Вскричалъ, вспорхнулъ крылами,
И къ машери бѣжитъ;
Облившись слезами,
Пропалъ, умру, кричитъ:
Ужаленъ небольшою
Крылашой я змѣей,
Копорая пчелою
Зовешся у людей.
Богиня опвѣчала:
Суди жь: коль шакъ пчелы
Тебя перзаесть жало,
Чпо жь швой ударъ стрѣлы?

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ.

Сопворя Зевесъ вселенну,
Звалъ боговъ всѣхъ на обѣдъ;
Вкругъ нектара чашу пѣнну
Разносилъ имъ Ганимедъ.
Медъ, амброзія блиспала
Въ ихъ устахъ, по лицамъ огонь,
Благовоной мгла лепала
И Олимпъ былъ свѣта полнъ,
Раздавались пѣсенъ хоры
И звучалъ весельемъ пиръ;
Но незапно какъ-то взоры
Опустилъ Зевесъ на мѣръ,
И увидя Царства, грады,
Что погибли опъ боевъ;
Что богини мещущъ взгляды
На бѣднѣйшихъ паспуховъ;
Распалился сполько гнѣвомъ,
Что курчавой головой
Покачавъ, шапнулъ всѣмъ небомъ,
Адомъ, моремъ и землей.
Въ мигъ сокрылся блескъ лазури:
Тма съ бровей, огонь съ очесъ,
Вихоръ съ ризъ его, и буря
Восшумѣла опъ небесъ;
Разразились всюду громы,

Мракъ во пламени горѣлъ ,
Яры волны, будпо холмы ,
Понпъ спремился и ревѣлъ ;
Въ расшворенны безднѣ ушробы
Таршаръ искры извергалъ ;
Въ пучи Фебъ , какъ въ черны гробы ,
Погруженный препешалъ ;
И средь спрашной сей тревоги
Коль еще бы грянулъ громъ ,
Міръ , Олимпъ , боговъ чертоги
Повернулись бы вверхъ дномъ.
Но Зевесъ вдругъ умилился :
Спало , знашь , красавицъ жаль ;
А какъ съ ними ни смирился ,
Новую потчасъ создалъ :
Ввилъ въ власы пески злашыя ,
Пламя въ щеки и уста ,
Небо въ очи голубыя ,
Пѣну въ грудь , — и Красоша
Въ мигъ изъ волнъ морскихъ родилась ;
А взглянула лишь она ,
Тотчасъ буря укрошилась ,
И наспала пишина.
Сизы , юные дельфины ,
Облелѣя шабуномъ ,
На свои ее взявъ спины ,
Мчали по пучинѣ волнъ.
Бѣлы голуби спаницей ,
Гдѣ опкуда ни взялись ,
Подъ жемчужной колесницей
Съ ней на воздухъ поднялись ;

И леша подь облаками ,
Вознесли на звѣздный холмъ ,
Зевсъ объялъ ее лучами
Съ улыбнувшимся лицомъ .
Боги, молча , удивлялись ,
На красу разинувъ ротъ ,
И согласно въ шомъ признались :
Миръ и брани — опъ красотъ .

XL.

СКРОМНОСТЬ.

Тихій, милый въперочикъ ,
Коль порхнешь ты на любезну , —
Какъ вздыханье ей въ ушко шепчи :
Если спросишь , чье ? — молчи .

Чистый , быспрый ручеечикъ ,
Если вспрѣшишь ты любезну ,
Какъ слезинка ей въ лицо плещи :
Если спросишь , чья ? — молчи .

Ясный , ведреный денечикъ ,
Какъ освѣпишь ты любезну ,
Взглядовъ пламенныхъ ей брось лучи :
Если спросишь чьи ? — молчи .

Темный, миртовый лѣсочикъ,
Какъ сокроешь ты любезну,
Тихо въшпой грудь ей щекочи :
Если спросишь , кто ? — молчи.

XLI.

Д А Р Ъ .

Э П И Г Р А М Ъ

«Вопъ ,» — сказалъ мнѣ Аполлонъ —
«Я даю тебѣ ту лиру ,
Коей нѣжный, звучный тонъ
Можетъ быть пріятенъ міру.

«Пой Вельможей и Царей ,
Коль захочешь быть имъ нравенъ ;
Лирою чрезъ нихъ ты сей
Можешь быть богатъ и славенъ.

Если жъ пышность , санъ , богатство
Не по склонностямъ твоимъ ,
Пой любовь , покой , пріятство :
Будешь красотою любимъ.»

Взялъ я лиру и запѣлъ , —
Струны правду зазвучали :

Кто внимашъ мнѣ захопѣлъ?
Лишь красавицы внимали.

Я доволенъ, свѣта-богъ,
Даромъ симъ своимъ небеснымъ.
Я богатымъ бытъ не могъ;
Но я милъ женамъ прелеснымъ.

XLII.

Ж Е Л А Н І Е.

Къ богамъ земнымъ сближаюсь
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаюсь
Никакъ я не хочу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

XLIII.

Г О С Т Ю.

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
Диванъ мягкомъ, отдохни;
Въ семь шонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ спола немножко:
Пріятно часикъ похрапъшь:
Злашой кузнечикъ, съра мошка,
Сюда не могушъ залешъшь.

Случишся, что изъ сновъ прелестныхъ
Приснишся здѣсь тебѣ какой:
Хошь кладъ изъ облаковъ небесныхъ
Злашой посыплешся рѣкой,
Хошь дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнушъ, — я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

XLIV.

Д Р У Г У .

Пойдемъ сегодня благовонный
Мы черпашъ воздухъ , другъ мой , въ садъ ,
Гдѣ вяза свѣшлы , сосны шемны ,
Густыми купами стояшъ ;
Кошорый съ милыми друзьями ,
Съ подругами сердецъ своихъ ,
Садил мы , распили сами ;
Ужъ нынѣ шѣнь пріятна въ нихъ .

Пусть Даша спашна , черноока ,
И круглолицая , своимъ
Взмахнувъ челомъ , шамъ у попока ,
А бѣлокурая живымъ
Намъ Лиза , какъ зефиръ , порханьемъ ,
Пропляшущъ вмѣспѣ казачка ,
И некшаръ съ пламеннымъ сверканьемъ
Ихъ розова подаспѣ рука .

Мы , сидя шамъ въ шѣни древесной ,
За здравье выпьемъ всѣхъ людей :
Сперва за женскій полъ прелесшной ,
За искреннихъ своихъ друзей ;
Потомъ за шѣхъ , кпо намъ злодѣи : —
Съ одними намъ пріятно бышъ ;
Другіе же , какъ скрышы змѣи ,
Насъ учашъ оспорожно жишъ .

XLV.

ПАРАШЪ.

Бълокурая Параша,
Сребророзова лицомъ,
Коей мало въ свѣтъ краше
Взоромъ, сердцемъ и умомъ!

Ты, копорой повтораешъ
Звучну арфу нѣжный гласъ,
Какъ палаша ударяешъ
Въ струны, ушѣшая насъ.

Встань, пойдѣмъ на лугъ широкой,
Мягкой, скашисшой, къ прудамъ;
Тамъ подъ сѣною дровъ далекой
Сядемъ, взглянемъ по струямъ:

Какъ скользя по нихъ сверкаешъ
Лучь ошъ Царскихъ шеремовъ,
Звѣзды, солнцы разсыпаешъ
По шѣнямъ между кустовъ.

Какъ за серебряной площади
Линь златой по дну бѣжишь:
За прекрасною дѣвицей,
За шобой, Амуръ лепишь.

П И Р Р Ъ.

Какой шамъ молодецъ проворной,
Прекрасный, спашный, вспрысканъ весь
Водой душистой, благовонной,
Въ саду, въ цвѣсахъ между деревьевъ,
Тебя въ бесѣдкѣ обнимаетъ?
Толь спрашно къ сердцу прижимаетъ,
И огонь съ смѣющихся пьетъ розъ?
И для кого ты такъ небрежно
На голубые взоры нѣжно
Спустила прядь злыхъ волосъ?

Увы! онъ сколько разъ слезами
Омочилъ спрашную любовь,
Какъ вдругъ межъ черными волнами,
Ошпывъ далеко отъ береговъ,
Себя увидишь, проклиная. . . .
Такъ, Пирра, Пирра дорогая!
Кто сполько легковѣрнымъ спалъ,
Что въкъ шобой мнишь наслаждаешься:
Тотъ долженъ искренно признайся,
Что буръ онъ въ моръ не видалъ.

О злполучна и несчастна,
Безопытная молодежь!
Предъ кѣмъ ты, бывши такъ прекрасно,

Свою, блистая, прелесть льешь?
Но если бь что меня касалось,
Тебѣ ль, другой ли помечталось, —
Скажу: бывалъ я на моряхъ,
Терпѣль и кораблекрушенья;
Но днесъ, въ знакъ моего спасенья,
Висипъ ужъ опущенъ мой флагъ.

XLVII.

ПОРТРЕТЪ ВАРЮШИ.

Милая заря весення,
Алымъ блескомъ покровенна,
Какъ вспаешъ съ криспальныхъ водъ,
И въ небесный идешъ сводъ,
Мещешъ яхонтные взоры;
Тихій свѣшъ и огонь живой
Проницаешъ шверды горы:
Какъ Варюша образъ швой.

XLVIII.

БОГАТСТВО.

Когда бы было намъ богатствомъ
Возможно крашку жизньъ продлитьъ,
Не ставя ничего препятствомъ,
Я спалъ бы золошо копилъ.
Копилъ бы для того я злато,
Чшобы какъ придетъ смерть сражатьъ,
Тряхнушь карманомъ шаровапо,
И жизньъ у ней на опкупъ взяшь.
Но ежели нельзя казною
Купишь минушы ни одной,
Почпо же злата намъ алчбою
Такъ много нашъ смущаешь покой?
Не лучше ль въ пиршествахъ пріятныхъ
Съ друзьями время проводишь;
На ложахъ мягкихъ, аромашныхъ,
Младымъ красавицамъ служишь?

Г О Р Ы.

Желалъ бы вѣкъ я бышь съ Жидовочкой
прекрасной,
Чшобъ въ Горкахъ и въ Горахъ съ ней время
проводить;
Но вмѣсто я того, по волѣ Царской, власпной,
Обязанъ испину въ толпѣ крестьянъ слѣдишь.
Осшавя арфы звукъ, гишары, форшопьяна,
Волшебный гласъ ея и пляску казачка,
Я долженъ розыскашь, какъ чернь была вся пьяна,
Какъ Земскому Суду угладила бока;
И словомъ, всякій день подобнымъ занимаясь,
Лишь въ мысляхъ красомы Жидовочкины зрѣшь;
Таланшовъ пысячью и прелесшми плѣняясь,
Бекасами ея лишь — сышу бышь умѣшь.

Г О Р К И.

Сегодня мы швое рожденье
Пируемъ въ Горкахъ и Горахъ;
За здравье пьемъ, и въ восхищеньѣ
Тебѣ желаемъ всякихъ благъ;
А шо жъ и швоему супругу,
Чшобъ долго и пріятно жишь,
И недругу давашь и другу
Пирь, забавь, — ѣшь и пишь.

LI.

В И Ш А.

Сей день усьпали цвѣтами
Младья дѣвы ложе мнѣ,
И шихихъ пѣсенъ голосами
Восхишили мой духъ во снѣ.
Казалось, за ними слѣдомъ
Я по лугамъ, лѣсамъ ходилъ,
И съ липъ злашымъ пишаясь медомъ,
Благоуханный воздухъ пилъ;
Близъ водъ жилъ въ полѣ Елисейскомъ,
Веселосшей вкушая шму;
Но вспавъ, увидѣлъ: въ миломъ, сельскомъ
Твоемъ, Жуковскій, я дому.

МЕЛЬНИКЪ.

Вечоръ мнѣ красныя дѣвицы
Мѣшокъ пшеницы принесли:
»Вѣдь расклююшъ же даромъ пшеницы:
Возьми, спаринушка, смели.«
Бѣла пшеница и румяна,
И такъ была полна зерномъ,
Что вмигъ пришла охоша рьяна;
Я ну молодъ всѣмъ живопомъ.
Мололъ я приспально, шрудился,
Ночь цѣлую провелъ безъ сна:
Но что жъ? — какъ ни пошѣлъ, ни бился,
Не раскололъ я ни зерна.
Смѣясь, мнѣ дѣвушки въ назолу
Пеняли: — »Что жъ не мелешь, дѣдъ? «
— »А вы,« сказалъ я: »для помолу
Пришли, какъ жорновъ не берешъ.«

III.

ПТИЦЕЛОВЪ.

Эрошъ, чшобъ слабымъ спарикомъ
Казашься, гуню вздѣль худую,
Покрылся бѣлымъ парикомъ,
И бороду себѣ съдую
Привѣся, посохъ въ руки взялъ;
Пошелъ въ лѣсу ловишь дичину,
И шамъ по сучьямъ раскидалъ
Такъ хитро сѣшь, какъ паушину:
А нужно гдѣ, то и златой
Разсыпалъ по мѣснамъ пшеницы,
Чшобы приманкою такой
Скорѣ побуждались пшеницы
Слешашься въ пошпенну сѣшь.
Лишь споль увидѣли богашый,
Не позамедлили лешѣшь
Къ нему различныя пернашы,
И носиками ну клевашь,
Ну зоблишь зерна золошыя,
А шущъ же въ сѣши попадаты
И пушашься, какъ бы слѣпыя.
Эрошъ, смекнувъ, что у одной
Голубки хвостикъ увязился
Во ячею и съ головой,
Вспорхнулъ — и къ добычѣ пустился,
Сверкнулъ, какъ огненна стрѣла,

И въ сердце вмигъ ея вонзился!
Ручьемъ кровь ала пошекла.
Ахъ! не клевашь было пшеницы
Вамъ, бѣднымъ пшашкамъ, золошой!
Не вѣрьте, красныя дѣвицы,
Впередъ и бородъ съдой!

LIV.

СТРѢЛОКЪ.

Я охотникъ былъ изъ млада
За дичиною гуляшь:
Меду сладкаго не нада,
Лишь бы въ полѣ поспрѣляшь.

На лешу я пшицъ пернашыхъ,
Гдѣ завидѣлъ, шущъ спрѣлялъ;
Въ нехохлашыхъ и хохлашыхъ,
Лишь прицѣлилъ, попадалъ.

Но вечеръ вдругъ повспрѣчалась
Лебедь бѣлая со мной,
Вмигъ крылами размахалась,
И пошла ко мнѣ на бой.

Хвашъ въ колчанъ, . . . анъ спрѣлъ ужъ нѣту;
Лукъ опущенъ; спалъ въ я пенъ.

Ахъ! беречь было монету
Бѣлую на черный день.

LV.

П Ъ Н О Ч К А.

VII.

Пѣночка! какъ ты проснешься,
Вспрянешь, взглянешь, вспрепечешься,
Носикъ, шейку обопрешь:
Про кого ты запоешь?

Запоешь про солнце красно,
Запоешь ты про зарю,
И какъ вѣрно, нѣжно, страстно
Мной ты, я шобой горю.

Пой, созданіе любезно!
Какъ взаимно спрасшью нѣжно
Млѣешь сердце, чувствва, кровь,
Какъ сладка, сладка любовь!

Какъ опрадно утѣшенье,
Съ шѣмъ, кпо миль, всечасно бышь;
Какъ пріятно восхищенье
Бышь любиму и любишь!

LVI.

РУССКІЯ ДѢВУШКИ.

Зрѣлъ ли ты, Пѣвецъ Тѣнскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшущъ дѣвушки Россійски
Подъ свирѣлью паспушка?
Какъ, склонясь главами, ходящъ,
Башмаками въ ладъ спучащъ,
Тихо руки, взоръ поводящъ,
И плечами говорящъ?
Какъ ихъ ланшами злапыми
Челы бѣлыя блестящъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышащъ?
Какъ сквозь жилки голубыя
Льется розовая кровь,
На ланищахъ огневая
Ямки врѣзала любовь!
Какъ ихъ брови соболины,
Полный искръ соколій взглядъ,
Ихъ усмѣшка — души львины
И орловъ сердца разящъ?
Коль бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Ты бѣ Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострасныхъ
Твой Эрошъ прикованъ былъ.

ПѢСНЬ БАЯРДА.

Сладостное чувствъ помленье,
Огнь души, цѣпь изъ цвѣшовъ!
Какъ швое намъ вдохновенье
Восхищительно, Любовь!

Нѣшъ блаженнѣе шой часши,
Какъ бышь въ плѣнѣ милой власши,
Какъ взаимно цѣпь носишь,
Бышь любиму и любишь.

Умножайся, пламень нѣжный,
Подъ желѣзной лашой сей;
Печашлѣйся, видъ любезный,
Въ мысляхъ и душѣ моей!

Нѣшъ блаженнѣе шой часши,
Какъ бышь въ плѣнѣ милой власши,
Какъ взаимно цѣпь носишь,
Бышь любиму и любишь.

Въ бой иду, не ужасаюсь;
Чесшъ любезной опомщу.
Сobleщиге, (ополчаюсь!)
Молнии, моему мечу!

Нѣтъ блаженнѣе той часши,
Какъ бышь въ плѣнѣ милой власши,
Какъ взаимну цѣпь носишь,
Бышь любиму и любишь.

LVIII.

ВАРЮШКА.

Какъ, Варюша, ты прекрасна!
Если не изъ сердца спрасшна,
А изъ дружбы лишь одной,
Я, писавши образъ твой,
Написалъ тебя зарею;
То моложе если бъ былъ,
Я бы съ пламенной душою
Въ тебѣ солнце находилъ.

Написалъ бы, какъ въ диванѣ
Въ голубомъ твоёмъ шюрбанѣ,
Ты сидишь, и для красы
На чело спусня власы,
Всѣхъ улыбкою любезной
Вмигъ умѣешь полонишь:
Должно бышь душѣ желѣзной,
Чшобъ, взглянувъ, не полюбишь.

Гдѣ сокровище такое,
Толь прелестное, драгое,
Толь блистающій алмазъ
Былъ ты скрытъ отъ жадныхъ глазъ.
Бриллианщика младаго,
Чшо купишь тебя не могъ? —
Онъ отъ глазъ бы свѣша злаго
Спрячалъ, заперъ за замокъ.

Не продажный, но завѣшной
Ты жемчугъ, цѣны несмѣшной,
И нельзя тебя купить,
Кучей злата замѣнишь;
А чшобъ нравишься прекрасной
И плѣнишь тебя кшо могъ,
Нуженъ мальчикъ нѣжный, спрашной,
Взглядъ любви — крылатый богъ.

LIX.

А Р Ф А.

Не въ лѣтній ль, знойный день прохладный вѣтерокъ
Въ легчайшемъ снѣ на грудь мою пріятно дуешь?
Не въ знакъ ли журчишь хрустальный ручеекъ?
Иль милая въ шѣни деревь меня цѣлуешь?

Нѣтъ! арфу слышу я: ея волшебный звукъ,
На розахъ дремлющій, согласьемъ пихоспируннымъ,
Какъ эхо, мнѣ вдали щекочешъ нѣжно слухъ,
Иль шумомъ будишь вдругъ вблизи меня перуннымъ.

Такъ! ты, подруга Музъ, лѣешь мнѣ твой восторгъ,
Подъ быспрою рукой играющей Харишъ,
Когда ея чело вѣнчаешъ вкуса богъ,
И улыбаюшся любовію ланишъ.

Какъ весело внимаешь, когда съ побой она
Поешь про родину, опечесство драгое,
И возвѣщаешъ мнѣ, какъ шамъ цвѣшешъ весна,
Какъ время кашился въ Казани золошое!

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять швоей зарей,
И швой по прежнему всегдашній буду жишель?

Когда наслѣдственны спада я буду зрѣшь,
Васъ, дубы Камскіе, опъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ лепѣшь,
И гробы обнимаешь родителѣй священны?

Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ!
Звучи, какъ Павелъ въ ней явился благодашень!
Мила намъ добра вѣсть о нашей споронѣ:
Ошечесива и дымъ намъ сладокъ и пріашень.

LX.

Н А Р А З Л У К У.

Не раздаются больше звуки
Уже въ диванѣ мнѣ побой;
Бѣгу всякъ часъ, бѣгу опъ скуки,
А скука слѣдуетъ за мной.
Когда жъ назадъ ты возвратишься,
Весельемъ мой наполнишь домъ?
Иль съ арфою навѣкъ проспишься,
Съ Мурзой, Милордомъ и кошомъ?
Пожалуй возвратись скорѣе,
Пріашны возврати часы,
И Дашу сдѣлай веселѣе,
И почеши Мурзѣ усы.

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА.

Возьми, Египтянка, гишару,
Ударь по струнамъ, восклицай;
Исполнясь сладострасшна жару,
Твоей всѣхъ пляской восхищай.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Ошъ смуглаго лица.

Неиспово, роскошно чувство,
Нервъ пререщъ, мѣнѣе любви,
Волшебное заразъ искусство
Вакханокъ древнихъ оживи.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Ошъ смуглаго лица.

Какъ ночь, — съ ланишъ сверкай зарями,
Какъ вихорь, — прахъ плащемъ смешай,
Какъ пшица, — подлешай крылами,
И въ длани съ визгомъ ударяй.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Ошъ смуглаго лица.

Подъ лѣсомъ ношю сосновымъ,
При блескъ блѣдныя луны,

Топоча по доскамъ гробовымъ ,
Буди сонъ мершвой пишины.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Опъ смуглаго лица.

Да вопль швой, Эвоа! ужасный,
Вдали мѣшаясь съ воємъ псовъ,
Ліешъ повсюду гулы спрашны,
А сластолюбіе любовь.

Жги души, огонь бросай въ сердца
Опъ смуглаго лица.

Нѣшъ, стой, прелесшница! довольно:
Музь скромныхъ больше не спраши;
Но плавно, важно, благородно,
Какъ Русска дѣва, пропляши.

Жги души огонь бросай въ сердца,
И въ нѣжнаго пѣвца.

Въ объявленіяхъ своихъ LXII.

Меня ты утѣшала,

И менѣе жила **Ц Ъ П И.**

Почто такъ скорюишься

Себя, мой милый. **Ц Ъ П И.**

Нельзя смягчить судьбы,

Ты Не съшуй, милая, со груди что твоей

Сронила невзначай ты цѣпи дорогія:

Милѣ вольности нѣтъ въ свѣтѣ для людей;

Оковы сягоспны, хощя онѣ зланыя.

Такъ наслаждайся жь здѣсь ты вольностью святой,

Свободною живя, какъ въперокъ въ полянкѣ;

По рощамъ пролешай, кропися водъ струей,

И чѣмъ въ Пепрополѣ, будь счастливѣй на Званкѣ.

А если и шебъ подъ бремя чьихъ оковъ

Подвергнушься велишь когда либо природа:

Смотри, чтобъ ихъ плела любовь лишь изъ цвѣтовъ;

Пріятнѣй эпошъ плѣнь, чѣмъ самая свобода.

Уважу ль я тебѣ, — и въ жѣ

Трепетнѣе сердце, грудь тѣснѣе,

Намѣстѣ рѣчь въ устахъ твоихъ

И могила по мнѣ опроченна

Въ жизни твоей, ужь и тамъ

По-славу шумѣ, по-вѣраи

По-жизни, хладѣ и оцупаю

Броску, бланцую, — и жажу

Упаднѣй, пашу, умиралю

Успѣхъ твоихъ, и жажу

Успѣхъ твоихъ, и жажу

LXIII.

ПРИЗЫВАНІЕ И ЯВЛЕНІЕ
ПЛѢНИРЫ.

Приди ко мнѣ, Плѣнира,
Въ блистаніи луны,
Въ дыханіи зефира,
Во мракѣ шишины!
Приди въ подобьи снѣни,
Въ мечтѣ, иль легкомъ снѣ,
И сѣдши на колѣни,
Прижмися къ сердцу мнѣ;
Движенія исчисли,
Вздыханія измѣрь,
И всѣ мои шы мысли
Проникни и повѣрь:
Хоть острый серпъ судьбины
Моихъ не косишь дней,
Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей.

Я вижу, шы въ шуманѣ
Течешь ко мнѣ рѣкой!
Плѣнира на диванѣ
Просперлась надо мной, —
И легкимъ осязаньемъ
Успѣ сладостныхъ швоихъ,
Какъ въперокъ дыханьемъ,

Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь,
И шепчешь нѣжно въ слухъ:
»Почто такъ сокрушаешь
Себя, мой милый другъ?
Нельзя смягчить судьбины,
Ты сполько слезъ ни лей;
Милой половиною
Займи души швоей.«

LXIV.

С А Ф О.

Блаженъ, подобился богамъ
Съ побой сидящій въ разговорахъ,
Сладчайшимъ внемлющій ушамъ,
Улыбкѣ нѣжной въ спрашнхъ взорахъ!
Увижу ль я сіе, — и въ мигъ
Трепещетъ сердце, грудь пѣснися,
Нѣмѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ,
И молнія по мнѣ спремишся.

По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
По жиламъ хладъ я ощущаю:
Брожу, блѣднѣю, — и какъ знакъ
Упадшій, вяну, умираю.

LXV.

С А Ф Ъ.

Когда брала ты арфу въ руки
Воспѣшь твоей подруги спросишь,
Протяжные и тихи звуки
Надъ сердцемъ нѣжнымъ слышу власи,
Любви твоей изображали;
Но ревность лишь зашмила умъ,
Громчайши гласы побѣжали,
И приближался бурный шумъ.

О Ф А Э

Тогда блорумяны персы
По звучнымъ вспрыгали спрунамъ,
Взоръ черноогненный, опроверсый,
И молнія во слѣдъ громамъ
Блиспала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей;
Смерть блѣдный хладъ распространяла:
Я умираю игрою твоей.

О, если бы я, былъ Фаономъ,
И пламень твой мою бжегъ кровью
Твоимъ бы спраснымъ, пылкимъ пономъ
Я описалъ свою любовь.
Тогда съ моей всеильной лиры
Зефиръ и громъ бы могъ лепетать:
Какъ ты свою, такъ я Пльниры
Изобразилъ бы жизнь и смерть.

LXVI.

Т О Н Ч И Ю.

Безсмертный Тончи! ты мое
Лице въ томъ, слышу, пишешь видъ,
Въ какомъ бы масперство швое
Въ Омиръ древнемъ, Ариспидъ,
Сократъ и Капонъ, въ вѣкъ
Попомковъ позднихъ удивляло;
Въ сѣдинахъ лысиной сіяло,
И въ немъ бы зрѣлся человекъ.

Но лысина ль, или парикъ,
Но того ль, иль мундиръ кургузый
Содѣлали, что ты великъ?
Нѣтъ! Философія и Музы:
Онъ насъ славными шворятъ.
О если бъ осынялъ духъ правый
И освѣщаль меня лучъ славы,
Приспалъ бы всякій мнѣ нарядъ.

Такъ, Живописецъ - Философъ!
Пиши меня въ уборахъ чудныхъ,
Какъ знаешь ты; но лишь любовь
Увѣковѣчь ко мнѣ премудрыхъ.
А если слабости самимъ
И величайшимъ людямъ сродны,
Часть III.

Не позабудь во мнѣ подобны,
Чтобъ зависть улыбалась имъ.

Иль нѣтъ: ты лучше напиши
 Меня въ напурѣ самой грубой:
 Въ жестокій мразъ съ огнемъ души,
 Въ космашой шапкѣ, скушавъ шубой;
 Чпобъ шель, Природой лишь водимъ,
 Прошивъ погоду, воливъ, горь кремнистыхъ,
 Въ знакъ, что рожденъ въ спранахъ я льдистыхъ;
 Что былъ прапращуръ мой Багримъ.

Не испугай жены, друзей;
Придай мнѣ нѣжности немного:
Чшобъ былъ я ласковъ для дѣшей,
Лишь въ должности бѣ судилъ всѣхъ строго;
Чшобъ жаръ кипѣлъ въ моей крови,
А очи мягкостью блискали;
Красотки бы по мнѣ вздыхали,
Хоть въ Плахонической любви.

LXVII.

П И К Н И К И

Осваива безпокойство въ градъ
И все, смущаешь чпо умы,
Въ проспой, пріятельской прохладъ
Свое проводимъ время мы.

Невинны красоты, Природы
По холмамъ, рощамъ, островамъ,
Кустарники, луга и воды —
Пріятная забава намъ.

Мы положили межъ друзьями
Законы равенства хранишь;
Богатствомъ, власпью и чинами
Себя опнюдь не возносишь.

Но если весель кпо, забавень,
Любезнѣ другихъ пошъ намъ;
А если скромень, благоиравень,
Мы чшимъ шого не по чинамъ.

Насъ не касающся раздоры,
Обидамъ мѣспа не даемъ;
Но души всѣхъ, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьемъ.

У насъ не стыдно и Герою
Повиноваться красотамъ ;
Всегда одной дышашь войною
Прилично варварамъ, не намъ.

У насъ лишь для того собранье,
Чтобъ въ жизни сладость почерпашь;
Любви и дружества желанье —
Между собой цѣпны срывать.

Кто ищетъ общества, согласья,
Приди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятель часъ.

LXVIII.

РАЗНЫЯ ВИНА.

Вотъ красно - розово вино :
За здравье выпьемъ женъ румяныхъ.
Какъ сердцу сладостно оно
Намъ съ поцѣлуемъ устъ багряныхъ!

Ты пожь румяна, хороша :

Такъ поцѣлуй меня, душа :

Вотъ черно - шиншово вино :
За здравье выпьемъ чернобровыхъ.

Какъ сердцу сладосно оно
Намъ съ поцѣлуемъ успѣ пунцовыхъ!

Ты пожь, смуглянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вошѣ злапо - Кипрское вино:
За здравье выпьемъ свѣпловласыхъ.
Какъ сердцу сладосно оно
Намъ съ поцѣлуемъ успѣ прекрасныхъ!

Ты пожь, бѣлянка, хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Вошѣ слезы Ангельски вино:
За здравье выпьемъ женѣ мы нѣжныхъ.
Какъ сердцу сладосно оно
Намъ съ поцѣлуемъ успѣ любезныхъ!

Ты пожь нѣжна и хороша:
Такъ поцѣлуй меня, душа!

Яка пѣннѣе вино прекрасное!

Якой не нѣтъ загла, яхуе и пѣннѣе!

Ночнѣе пѣннѣе вино прекрасное!

Нѣжная, любезная, мой сокровище!

Нѣжная, любезная, мой сокровище!

Т р е т ь я

Т р е т ь я

Сокровище! на свѣтѣ не нѣтъ

Гонимъ на войнѣ; яхуе и пѣннѣе;

И съ ядрами яхуе и пѣннѣе;

Величѣе, шону разсудѣе, яхуе и пѣннѣе;

Кто дѣлѣе, розѣ, яхуе и пѣннѣе;

Мѣсто, ошечеснѣе, яхуе и пѣннѣе;

LXIX.

**ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ
и ТРЕЗВЫЙ**

П ь я н ы й.

Сосѣдъ! на свѣшѣ все пущое;
Богатство, слава и чины;
А если за добро прямое
Мечты бышь могушь почтены:
То здраво и покойно жишь,
Съ друзьями время проводишь,
Красоту любишь, любимымъ бышь,
И съ ними сладко ѣшь и пишь.

Какъ пѣнился вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣшъ!
Почто теряшь часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Т р е з в ы й.

Сосѣдъ! на свѣшѣ не пущое
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщемъ въ нихъ прямое,
Когда мы будемъ лишь умны,
Привыкнемъ прямо честь любишь,
Умѣренно, въ довольствѣ жишь,

По самой нуждѣ ѣсть и пить:
То можемъ всѣ счастливы быти.

Пусть пѣнился вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

П ѣ я н ы й.

Гонялся я за звучной славой,
Вспрѣчалъ я смѣло ядра лбомъ;
Сей звѣрской упоенъ оправой,
Я былъ ужаснымъ дуракомъ.
Какая польза спрашивымъ быти,
Себя губишь, другихъ мерзивишь,
Въ убійствѣ время проводишь?
Безумно на убой ходишь.

Какъ пѣнился вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто шеряшь часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Т р е з в ы й.

Гоняшься на войнѣ за славой
И съ ядрами встрѣчаешься лбомъ
Велишь шому разсудокъ здоровой,
Кто лишь рожденъ не дуракомъ:
Царю, опеческву служишь,

Чадъ, женъ, родителей хранишь,
Себя опъ плъна боронишь —
Священна должность храбрымъ бышь!

Пусть пьнился вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

П ъ я н ы й.

Хотѣлъ я сдѣлаться судьей,
Законы свято соблюдать:
Увидѣлъ, что кривяшь душею,
Гдѣ должно сильныхъ осуждать.
Какая польза такъ судить?
Однихъ щадить, другихъ казнить,
И совѣстью своей шушить?
Смѣшно въ тенепа мухъ ловить.

Какъ пьнился вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!
Почто шеряшь часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Т р е з в ы й.

Когда судьба тебѣ судьей
Въ судахъ велѣла засѣдать:
Вершѣшься нужды нѣтъ душею,
Когда не хочешь взятокъ брать.

Какъ можно такъ и сякъ судить,
Закономъ правду пенешить,
И подкупать себя пусшить?
Судь злодѣемъ спрашно бытъ!

Пусть пѣнися вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ;
Не наливай ты мнѣ напрасно :
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

LXX.

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛЪ.

По Сѣверу, по Югу,
Съ Москвы орелъ паришь;
Всему земному кругу
Полещъ его звучишь.

О! исполать, ребяты,
Вамъ, Русскіе солдаты!
Чшо вы неустрашимы,
Никѣмъ непобѣдимы:
Какъ славой За здравье ваше пьемъ!

Орелъ бросаетъ взоры
На льва и на луну,

Спокгольмы и Босфоры

Всѣ быють челомъ ему.

О! исполашъ вамъ, вои,

Безсмертныя Герои,

Румянцевъ и Суворовъ!

За сколько славныхъ боевъ:

Мы въ память вашу пьемъ?

Орелъ глядишь очами

На солнце съ вышины;

Герои подъ шлемами,

На женски красоны.

О! исполашъ, красоники,

Вамъ, Росски Амазонки!

Вы въ мужесквѣ почтенны,

Вы въ нѣжности любезны:

Заздравье ваше пьемъ!

LXXI.

Г О Л У Б К А.

Ошколь, голубка мила,
Лешишь шакъ рѣзво ты?
Ошкуда, бѣлокрыла,
На воздухъ льешь цвѣты,
И сладкій запахъ въ чувствва?
Кшо, съ чѣмъ послалъ тебя?

Г о л у б к а.

Богъ свѣта и искуссва
Послалъ съ письмомъ меня
Къ красавцу молодому,
Къ Владыкѣ всѣхъ сердець,
Къ шому божку земному,
Кшо подданнымъ опецъ,
Кому меня Фелица
Въ наслѣдье опдала:
»Будь Хлорова ты ппица,« —
Съ усмѣшкою рекла —
»Носи ему съ небесной
Ты пѣсни вышины;
Какъ славой мнѣ, всемѣспной
Наполнь его сстраны.« —
И я съ тѣхъ поръ, какъ должно,
Ему, какъ ей, служу;

Пріятную, сколь можно,
Гармонію ношу;
А онъ за то злѣшную
Мнѣ хочешь вольноешь дашь,
Но дашь, иль нѣшъ, какую,
Мнѣ нечего желашь.
Какая эпо воля,
Лешала чшобъ одна;
Была бъ безвѣсна доля,
Была бы холодна?
Коль днесъ пшеницей Хлоромъ
Изъ успъ его кормлюсь,
Его пишаясь взоромъ,
Счастливою зовусь:
На лонѣ, иль на шлемѣ
Кружусь, воркую я,
И въ сладкомъ эпомъ пльнѣ
Мила всѣмъ пѣснь моя.

Проспи жь меня, прохожій!
Не будь къ болшанью спрогъ.
Сей день была похожей
Голубка на сорокъ.

LXXII.

ЛИЗЪ.

ПОХВАЛА РОЗЪ.

Я воспѣлъ весну прекрасну,
Нынѣ розу я пою;
Всѣхъ цвѣтовъ пою изящну
Я красавицу мою.
Лиза! другъ мой милый, юной?
Розѣ гласъ свой посвящай,
На гитарѣ тихоспрунной
Пѣснь мою сопровождай.
Роза зрѣнію любезна,
Обонянію мила,
Здравью, разуму полезна,
И невинностью свѣпла.
Роза пѣнія достойна,
Даръ священный олшарей;
Царствъ Владычицамъ подобна,
Въ одѣяніи Царей.
Роза, если успрашаешь,
Тернъ свой спавя чеспи въ щипъ;
Во цвѣтахъ благоухаешь,
Очи, души веселишь;
Розовы уста прекрасны:
На ланишахъ миль ихъ смѣхъ;
На грудяхъ лилейныхъ ясны,

Любы Лелю для ушѣхъ.
Розы спарцамъ ушѣшенъе :
Свящъ вънецъ ихъ мудрецамъ :
Розы дѣвамъ украшенъе ,
Восхищенъе молодцамъ.
Розы лучшее убранство
И пріятностей младыхъ ;
Розы красотъ въ подданство
Клонящъ и владыкъ земныхъ.
Розы въ пиршествахъ ушѣха , —
На гостяхъ, какъ огонь, цвѣшущъ ;
Розы въ скукъ не помѣха ,
Услаждающъ скорбъ и трудъ.
Розовы лиспы нагрѣшы ,
Вдохомъ усшъ, ударомъ рукъ ,
Счастливей любви обѣшы —
Громкій производящъ звукъ.
Розы по жъ намъ помогающъ ,
Какъ и спрѣлы, побѣждающъ ;
Коль красу гдѣ выхваляющъ ,
Лзя ли розой не назващъ ?
Роза другъ зари румяной ,
Дщеръ весны и кринъ небесъ ;
Миръ даетъ душъ печальной ,
Изушаетъ шоки слезъ.
Розу въ лучшіе дни года
Прославляетъ соловей ;
Зефиръ въешъ, и Природа
Улыбаешся вся ей.
Розы въ жизни насъ прельщающъ ,
Намъ по смерти розы честь ;

Стихотворцы воспѣваютьъ

Розовой Авроры перстѣ.

Роза всѣмъ кустамъ царица ,

Ароматовъ сладкихъ мать ;

Бисеромъ своимъ зарница

Розу любишь окроплять.

Роза міру покрывало ,

Образъ солнца , красоты ;

Розу похвалишь чѣмъ , мало :

Будь мнѣ, Лиза, ею — ты !

LXXIII.

Х М Е Л Ъ.

Хмель какъ въ голову залѣзешь ,

Всѣ бѣгушь заботы прочь ;

Крезъ съ богачствами исчезнешъ ;

Пью ! — и всѣмъ вамъ добра ночь.

Плющемъ лежа увѣчанный ,

Ни во что весь сглавлю свѣтъ ;

Въ бой идешь пускай мужъ бранный , —

У меня охоты нѣтъ.

Мальчикъ ! чашу сокомъ алымъ

Поспѣши мнѣ наливать ;

Мнѣ гораздо лучше пьянымъ ,

Чѣмъ покойникомъ, лежать.

LXXIV.

АНАКРЕОНОВО УДОВОЛЬСТВІЕ.

Почто Випіевъ правилъ
Мнѣ выучить бремена?
Премудрость я оставилъ:
Не надо мнѣ она.
Вы лучше поучите,
Какъ сокъ мнѣ Вакховъ пить;
Съ прекрасной помогите
Венерой пошупить.
Ужъ нѣшъ мнѣ больше силы
Съ ней одному владѣть;
Подай мнѣ, мальчикъ милый,
Вина хоть поглядѣть;
Авось еще немного
Мой разумъ усыплю:
Приходишь время спрого,
Покину, что люблю.

М О Р Е Х О Д Е Ц Ъ.

Что въпры мнѣ и сине море?
Что громъ, и шпормъ, и океанъ?
Гдѣ ужасы, и гдѣ шумъ горе,
Когда въ рукахъ съ виномъ спаканъ?
Спасешъ ли насъ компасъ, руль, снасти?
Нѣшъ! сила въ томъ, чѣмъ духъ пылае.
Я пью, и не боюсь напасши:
Приди хопя девятый валъ!
Приди, и волнъ зіяй ушроба!
Мнѣ лучше пьянымъ ушонуть,
Чѣмъ презвымъ доживашъ до гроба,
И съ плачемъ плышь въ шоль дальній пущей.

МАХІАВЕЛЬ.

Царей насмѣшникъ, иль учишель,
Великихъ, иль посмѣдныхъ дѣлъ!
Душъ слабыхъ, мелкихъ оболъсншель,
Поди ошъ насъ, Махіавель!
Не надо намъ швоихъ замашекъ,
Обмановъ понкихъ, хипросшей:
Довольно полныхъ пуншемъ чашекъ
Для счасія чеспныхъ людей;
Довольно видѣшь сквозь покалы
Всю нашихъ внушренность сердець,
На бой насъ посылашь, на балы,
Изъ лавровъ плеснь и розъ вѣнецъ.

ГРАФИНЬ ОРЛОВОЙ.

Ты взорами орница,
Достойная опца;
Душею голубица,
Достойная вѣнца.
Пріятности дивяшся
Уму и красошамъ,
И въ пляскахъ всѣ спремашся
Лишь по твоимъ слѣдамъ.
Явишься ль въ Пепрополтъ,
Побѣды поженешь;
Какъ флотъ опецъ твой въ морѣ,
Такъ ты сердца пожжешь.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Чшо нужды мнѣ до града?
Въ деревнѣ я живу.
Мнѣ леншѣ и звѣздѣ не нада:
Вельможей не слыву;
О томъ лишѣ я спараюсь,
Чшобъ счастливо прожити;
Со всѣми обнимаюсь,
И всѣхъ хочу любить.
Кшо вѣдаетъ, что будетъ?
Сегодни мой лишѣ день,
А завтра всякъ забудетъ,
И все пройдетъ какъ шѣнь.
Зачѣмъ же мнѣ способну
Минушу потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать?
Сокровищъ мнѣ не нада:
Богашъ, съ женой коль ладъ;
Богашъ, коль Лель и Лада
Мнѣ дружны, и Уладъ;
Богашъ, коль здоровъ, обиленъ,
Могу поѣсть, попить,
Подъ часъ и не безсиленъ
Съ Милоной пошалишь.

ОХОТНИКЪ

За охотой ты на Званку
Пшицъ поѣхалъ поспрѣляшь;
Но, бѣлянку и смуглянку
Вдругъ увидѣвъ, спалъ вздыхашъ.

Что такое это значить,
Миленькой охотникъ мой?
Ты молчишь, а сердце плачешъ:
Пшицы ль не убилъ какой?

Дѣвъ ли оспренѣкіе глазки
Понадѣлали хлопотъ?
Съ ихъ ланишь, изъ алой краски,
Зрѣлъ я, цѣлился Эрошъ.

Какъ же бышь? и чѣмъ лечишься?
Пшичекъ ты багрилъ въ крови;
И тебѣ пришло поминъся
Отъ смертельныхъ любви.

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ.

Хоть вся шеперь Природа дремлетъ,
Одна моя любовь не спитъ;
Твои движенья, вздохи внемлетъ,
И только на тебя глядитъ.

Примѣшь мои ты разговоры,
Помысль о мнѣ на единѣ;
Брось на меня пріяшны взоры,
И нѣжною ошвѣсѣуй мнѣ.

Единымъ ошвѣчай возрѣньемъ,
И мысль свою мнѣ сообщи:
Что съ тѣмъ сравнися восхищеньемъ,
Какъ двѣ сольются въ насъ души?

Представь въ умъ сіе блаженство,
И ускори его вкусишь:
Любовь лишь съ божествомъ равенство
Намъ можешь въ жизни сей даришь.

П Л А М И Д Ъ.

Не сожигай меня, Пламида,
Ты шихимъ голубымъ огнемъ,
Очей швоихъ; опъ ихъ я вида
Не защищусь щеперь ничѣмъ.

Хошь былъ бы я Царемъ вселенной,
Иль самымъ спрогимъ мудрецомъ :
Пріашношью, красой сраженной,
Твоимъ былъ узникомъ, рабомъ.

Все — мудрость, скицепръ и державу
Я опдалъ бы любви въ залогъ,
Принесъ тебѣ на жершву славу,
И у швоихъ бы умеръ ногъ.

Но слышу, просишь ты, Пламида,
Въ задашокъ нѣсколько рублей :
Гнушаюсь я торговли вида;
Погасъ огонь въ душѣ моей.

Увы ! прекрасна груда азлазаскъ,
Такъ ! добродѣтели —
Сильна динѣ жемчужинъ красота.

Н И Н Ъ.

Не лобызай меня такъ спрасно,
Такъ часто, нѣжный, милый другъ!
И не нашепывай всечасно
Любовныхъ ласкъ своихъ мнѣ въ слухъ;
Не падай мнѣ на грудь въ воспоргахъ;
Обнявъ меня, не обмирай.

Нѣжнейшей спрасни пламя скромно;
А ежели чрезъ мѣру жжешь,
И удовольствій чувство полно:
Погаснешъ скоро и пройдеши.
И, ахъ! тогда придетъ въ мигъ скука,
Осшуда, отвращенье къ намъ.

Желаю ль цѣловать спокрашно;
Но ты цѣлуй меня лишь разъ,
И по пристойно, такъ, безспрасно,
Безъ всякихъ сладостныхъ заразъ,
Какъ братъ сестру свою цѣлуешь:
То будетъ вѣченъ нашъ союзъ.

LXXXIII.

В С Е М И Л Ъ.

Какая непонятна сила
Изъ устѣ твоихъ и изъ очей
Плѣняетъ, юная Всемила!
Царица ты души моей.

Такъ, красоша владѣешь міромъ;
Сердца ей шронъ и олшари;
Ее чшущъ мудрые кумиромъ,
И поклоняются Цари.

Прочши дѣянiя великихъ;
Всѣ къ нѣжнoсти склоняли слухъ;
Причина подвиговъ шoликихъ
Ихъ вкусъ къ добру, ихъ пылкiй духъ.

Почпо жь, о милое шворенье!
Груспишь и шонешь шакъ въ слезахъ,
Когда Царей и Царствъ правленье
Въ твоихъ содержишся рукахъ?

Увы! прекрасна грудь вздыхаешь;
Ѹъ слезахъ швердишь ты: «все мечша!»
Такъ! добродѣшью бываетъ
Сильна лишь женщинъ красоша.

LXXXIV.

К Р У Ж К А.

Краса пирующихъ друзей ,
Забавъ и радостей подружка ,
Предспанъ предъ насъ, предспанъ скорый ,
Большая серебряная кружка !

Давно ужъ намъ въ себя пора

Пивца налишь

И пишь :

Ура ! ура ! ура !

Ты дочь великаго ковша ,
Которымъ предки наши пили ;
Веселье ихъ была душа ;
Въ пирахъ они счастливо жили .

И намъ, какъ имъ, давно пора

Счастливымъ быть

И пишь :

Ура ! ура ! ура !

Бывало спарики въ винъ
Свое все потопляли горе ;
Дралися храбро на войнъ :
Вѣдь пьянымъ по колѣна море !

Забышь и намъ всю грусть пора ,

Опважнымъ быть

И пишь :

Ура ! ура ! ура !

Бывало, дольше длился вѣкъ,
Когда діэшъ не наблюдали;
Былъ здоровъ и счастливъ человекъ,
Какъ только пили да гуляли.

Давно гуляшъ и намъ пора,

Здоровымъ бышъ

И пишъ:

Ура! ура! ура!

Бывало: — пляска, рѣзвостъ, смѣхъ,
Въ хмелю другъ друга обнимающъ;
Теперь, на мѣсто сихъ ушѣхъ,
Жеманствомъ, лаской угощающъ.

Жеманство намъ прогнашъ пора,

Но просто жишъ

И пишъ:

Ура! ура! ура!

Въ садахъ, бывало, средь прохладъ
И жены съ нами куликающъ;
А нынѣ клобъ да маскарадъ
И женъ ужъ съ нами разлучающъ.

Французишъ намъ прѣсташъ пора,

Но Русь любишъ

И пишъ:

Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего,
Теперь карманы посѣщающъ;
Гдѣ висшъ, да банкъ, да макао,
На деньги дружбу шамъ мѣняющъ.

На каршы намъ плевашь пора,

А скромно жишъ эн ашюа вѣтоѣ

И пишъ: пѣснѣ и ашѣдѣ ашѣ

Ура! ура! ура!

вѣон ашѣи и ашѣдѣ ошѣдѣ

О сладкій дружества союзъ,

Съ гренками пивомъ пѣнна кружка!

Гдѣ ты нашъ услаждаешъ вкусъ,

Мила шамъ, весела пирушка.

Пребуди ты къ намъ всегда добра:

Мы спанѣмъ жишъ

И пишъ: пѣснѣи ашѣи

Ура! ура! ура!

вѣон ашѣи ашѣи ошѣи

Но проснѣи ашѣи

LXXXV.

Г И М Н Ъ С А Ф Ы

В Е Н Е Р Ъ.

Безсмертная Венера!

Всечтимая богиня,

Юпитерова дщерь,

Которая прельщаешъ

Сердца всѣхъ земнородныхъ!

Не мучь души моей

Скукъ бременемъ печалей, —

Тебя въ шомъ заклиною;

Но приди ко мнѣ,

Какъ приходила прежде,
И именемъ Амура
Услышь мольбу мою,
И будь благопріятна,
И будь мнѣ милосерда,
Какъ нѣкогда была,
Когда ты оспаивала
Домъ опчій позлащенный,
И на швоей ко мнѣ
Роскошной колесницѣ
Съ Олимпа низлещала.
Легко съ высотъ ее
По воздуху носили
На рѣзвыхъ, быстрыхъ крыльяхъ,
Порхая, воробы, —
И кончивъ быспрошечно
Свое они рыстанье,
Съ ней возвращались вспять.
Тогда ты, всеблагая!
Своимъ лицомъ небеснымъ,
Осклабясь на меня,
Умильно вопрошала:
О чемъ я такъ тоскую?
Зачѣмъ звала тебя?
И коимъ средствомъ можно
Тревожный, заблужденный
Спокоишь разумъ мой?
Кого я, бывъ влюбленна,
Желала бы увѣришь,
Разжалобишь, смягчишь,
И удержишь въ оковахъ?

«Кто пошь неблагодарный,
Ты такъ вѣщала мнѣ:
«Любезнѣйшая Сафа,
Тебя что презираешь?
Тебѣ не внемлешь кто?
Онъ ежели безчувственъ,
Не нѣженъ, не привѣпливъ,
И опъ тебя бѣжитъ:
Самъ бѣгаешь за побою,
Искаешь тебя онъ спанешь:
Когда отвергъ свой даръ,
Пришлешь тебѣ самъ дары;
Когда тебя не любишь,
Полубишь сполько вмигъ,
Сколь ты сама захочешь.
И такъ приди, Венера!
Приди ко мнѣ, спаси,
Освободи жестокихъ
Томленій, грусти, муки!
Сверши и увѣнчай
Руки своей ты дѣло!
И все, чего желаешь,
Дай сердцу моему.
Приди, возмись, богиня!
Ты заспушишь собою
И защишишь меня.
Сердце всѣхъ
Не мучь душою,
Свѣтъ бранный
Тебѣ въ шпору,
Но пріиди!»

LXXXVI.

Т И Ш И Н А.

Не колыхнешь Волховъ шемный ,
Не шелохнешь лѣсъ и холмъ ;
Мещешь на поля чужь блѣдный
Свѣшь луна, и спишь мой домъ.

Какъ, — я мнилъ въ уединенъи ,
Въ хижинѣ бышь славну мнѣ ?
Не живемъ, живя въ забвенъи :
Чшо въ могилѣ, шо во снѣ.

Нѣшь ! шаланшь не увядаешъ
Вѣчнаго забвенъя въ шмѣ ;
Изъ - подъ спуда онъ сіяешъ :
Я блесну на вышинѣ.

Такъ ! пойду хопя въ забаву
За пѣвцомъ Тіискимъ въ слѣдъ ,
И снискашь его чшобъ славу ,
Сшану забавляшь я свѣшь ;
Сшану шушкою влюбляшься ,
На бумагѣ пишъ и ѣсшь ,
Къ милымъ дѣвушкамъ ласкаешь ,
И въ сѣдинахъ будшо цвѣсшь.

Я пою, — Пиндъ спала Званка ;
Совосплещушъ Музы мнѣ ;
Возгремѣла балалайка ,
И я славенъ въ пишинѣ !

LXXXVII.

В Н И М А Н І Е.

Тебя какъ Музы слышушъ
И какъ ты слышишь ихъ ,
Пріятностію дышушъ
Въ пріятностяхъ твоихъ !

Эрошъ, смотря пихонько,
Сказалъ: «какъ ты мила!»
Будь счастлива имъ спюлькѣ,
Какъ Музами была.

Любовью ты владѣя,
Прикуй ее къ себѣ ,
Чтобы, лешащъ не смѣя,
Привыкнула къ тебѣ ;

Привыкла бѣ жить съ тобою,
И такъ бы вы сжились ,
Какъ бабочка свѣчою,
Собою вы сожглись ;

Красавицы, вздыхая ,
Завидовали бѣ вамъ ;
Я пѣсни вамъ слагая ,
Слагалъ бы красошамъ , —

Красамъ, хвалу что прубяшъ ,
И мнѣ, какъ ты, льстя Музъ :
А пѣмъ, кто Музъ не любяшъ ,
Пѣшь пѣсенъ не берусь.

LXXXVIII.

Г И Т А Р А .

Шестиструнная гитара
У красавицы въ рукахъ ,
Громы звучнаго Пиндара
Заглушая на устахъ ,

Мнѣ за гласомъ звонкимъ, нѣжнымъ ,
Пѣшь велишь любовь.

Я пою подъ миршой мирной ,
На красы ея смопря ,
Не завидую обширной
Власи самого Царя ,

Взглядъ одинъ ея мнѣ нѣжный

Всѣхъ милѣй чиновъ.

Пусть Вожди въ бояхъ дерущся,
Въ думахъ бари брань ведутъ;
Алыхъ устъ ея коснувшись,
Вся моя побѣда шущъ: —

Подѣлуй ея мнѣ нѣжный

Выше всѣхъ даровъ.

Пусть Герой свой блескъ сугубишь,
Ждетъ безсмертія опликъ;
Милая меня коль любишь,
Мнѣ блаженный вѣка мигъ, —

И ея обѣщанья нѣжны

Всѣхъ свѣтлѣй вѣнцовъ.

LXXXIX.

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНІЕ.

Если бѣ милыя дѣвицы
Такъ могли лепашъ, какъ пшцы,
И сажались на сучкахъ:
Я желалъ бы бышь сучочкомъ,
Чшобы шысячамъ дѣвочкамъ
На моихъ сидѣшь вѣшвахъ.
Пусть сидѣли бы и пѣли,
Вили гнѣзда и свисѣли,
Выводили и пшенцовъ;

Никогда бѣ я не сгибался, —

Вѣчно ими любовался.

Былъ счастливѣй всѣхъ сучковъ.

ХС.

БАБОЧКА.

На цвѣшѣ съ цвѣшовъ лешая,
Въ полѣ бабочка живешъ;
Не шескуя, не вздыхая,
Сладкій медъ одинъ съ нихъ пьешъ.
Чшо счастливѣе сей доли,
Какъ бы бабочкою бышь,
На своей всегда жишь волю,
И любви лишь сладость пишь?
Я бы пилъ, — и, вновь влюбляясь,
Лишь въ веселы дни провелъ,
А съ духами сочешаясь,
Былъ неплѣнія символъ.

КУЗНЕЧИКЪ.

Счастливъ, золошой кузнечикъ ,
Чпо въ лѣсу куешь одинъ !
На цвѣточной сѣвѣ лужечикъ ,
Пьешь съ нихъ медъ, какъ господинъ ;
Всѣмъ любуюся на волю ,
Воспѣваешь вѣкъ ты свой ;
Взглянешь лишь на чпо ты въ полѣ ,
Всѣмъ доволенъ, все съ тобой.
Земледѣльцевъ по сосѣдству
Не обидишь ты ничѣмъ ;
Ни къ чьему не льнешь наслѣдству ,
Самъ богашъ собою всѣмъ.
Пѣснопѣвецъ тепла лѣта !
Аполлона нѣжный сынъ !
Честный обшатель свѣта ,
Всѣми Музами любимъ !
Вдохновенный гласомъ звонкимъ
На землѣ ты знаменишь ;
Чшушь живые и попомки :
Ты Философъ ! ты Пѣишь !
Числъ въ душѣ своей, не злобенъ ,
Удивленіе ты намъ :
О! едва ли не подобенъ ,
Мой кузнечикъ, ты богамъ !

Л Ю Б У Ш К Ъ .

Не хочу я быть Пропеемъ ,
Чтобы оборошнемъ спашь ;
Невидимкой , или змѣемъ ,
Въ шеремъ къ дѣвушкамъ лешашь ;
Но желалъ бы я шихонько ,
Безъ огласки ошъ людей ,
Зеркаломъ въ уборной только
Быть у Любушки моей :
Чтобъ она съ умильнымъ взоромъ ,
Обращалась ко мнѣ ,
Спаномъ , поспупью, уборомъ ,
Любовалася во мнѣ ;
Иль бы, сдѣлавшись водою ,
Я ей шѣло омывалъ ;
Вкругъ мониспой золошою
Руки блескомъ украшалъ ;
Въ видѣ благовонной мази
Умашалъ бы ей власы ,
На грудяхъ въ цвѣпочной вязи
Ошѣнялъ ея красы ;
Иль, обнявши бѣлу шею ,
Былъ жемчугъ ея драгой :
Сшавъ хошъ обувью швоею ,
Жала бѣ шы меня ногой.

СТАРИКЪ.

Мнѣ дѣвушки шептали :
«Ты спарь, и съдь и лысь;
Вопъ зеркало,» сказали :
«Возьми и посмотришь.»

— «Чшо нужды мнѣ, не знаю ,
Я спарь,» — сказалъ — «иль нѣтъ ;
Я только увѣряю ,
Чшо я душой не съдь ,

И спарику нужнѣе
Въ веселіи поживъ ,
Приходишь чѣмъ скорѣе
Меня похоронишь.»

ПЛѢННИКЪ.

Опушавъ Леля Музы
Въ цвѣпочномъ пенешѣ,
Сперечь, повергши въ узы,
Вручили Красотѣ.

Ужъ Лада ходишь, просишь,
Чшобъ ей сыскашь его,
И выкупъ знашный носишь
Съ собою за него.

Но плѣнника пущь долю
Хопъ выкупъ сей прервешъ,
Онъ сладкую неволю
Свободѣ предпочтешъ.

СВОБОДА.

ФАЛКОНЕТОВЪ КУПИДОНЪ.

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу въ избѣ повалкой
Спать на сѣнѣ улеглись.
Въ полночь, самой той порою,
Какъ заснула тишина,
Сребряной на насъ рукою
Сыпала свой свѣтъ луна:
Вдругъ изъ оконъ Лель блестящихъ
Въѣхалъ на лучъ верхомъ,
И меня нашедъ межъ спящихъ,
Тихо въ бокъ толкнулъ крыломъ.
«Ну,» — сказалъ онъ — «на охоту
Если хочешь, такъ пойдемъ;
Мнѣ оставь спрѣляшь забошу,
Ты иди за мной съ мѣшкомъ.»
Вспалъ я, и, держась за спѣнку,
Шелъ на цыпкахъ, чуть дышалъ;
За спиной онъ въ шулъ спрѣлку,
Палецъ на устахъ — держалъ.
Тихой вышупкой такою,
Мнилъ онъ, лучше дичь найши;
Мнѣ жъ, съ плѣшивой головою,
Какъ слѣпцу, велѣлъ ишши:

Шли, — и только наклонялись
На гнѣздо молодыхъ куніцъ;
Молодежь вокругъ засмѣялись, —
Насъ схватили у дѣвицъ.
Испугавшись смертельно,
Камнемъ спалъ мой Купидонъ:
Я проснулся, — радъ безмѣрно,
Что то былъ одинъ лишь сонъ.
Сна однако споль живаго
Голова моя полна;
Вижу въ мраморъ шакаго
Точно Купидона я.
«Не шуши, имѣвъ грудь цѣлу,»
Улыбаясь, онъ грозилъ:
«Вмигъ изъ пула выну стрѣлу,»
Слышу, будто говоришь.

ХСVІ.

С В О Б О Д А.

Теплой осени дыханье,
Помаваніе дубовъ,
Тихое листовъ шептанье,
Восклицанье голосовъ
Мнѣ лежащему въ долину
Наводили сладкій сонъ.

Видѣлъ я себя стоящимъ
На высокомъ вдругъ холму,
На плоды вдали глядящимъ,
На шумящу близъ волну, —
И какъ будто въ важномъ чинѣ
Я носилъ на плечахъ холмъ.

Дальше — Власпи мнѣ Свяшья
Иго по велѣли несть,
Всѣ вѣнцы суля земныя,
Тишла, золопо и чесъ.
«Нѣшъ!» — возспавъ опѣ сна глубока,
Я сказалъ имъ: — «не хочу;

«Не хочу моей свободы,
Совѣсь на мечшы мѣняшь:
Гладки воды, коль погоды
Ихъ не могушъ колебашъ:
Власъ тогда моя высока,
Коль я власпи не ищу.»

С В О Б О Д А

НА ПАСТУШІЙ БАЛЕТЪ.

На дерну лежа зеленомъ ,
Я въ свирѣль мою игралъ ;
Въ сердцѣ цѣльномъ, не плѣненномъ ,
Я любви еще не зналъ.
Но, откуда ни возьмися ,
Подбѣжалъ ко мнѣ дишя :
«Дай свирѣлку, поспрудися ,
Поучи,» сказалъ, шушя.
Отдалъ я ему свирѣлку ,
Началъ онъ въ нее играшь ;
Поигравъ , мнѣ кинулъ свирѣлку,
Спалъ я съ свирѣлкой той плясашъ ;
И со свирѣлкой таковою
Шестидесятъ ужъ лѣтъ пляшу :
Не скучаю красоюю
И любовь въ душѣ ношу.

ХСVIII.

М И Щ Е Н И Е.

Богъ любви и восхищенья
У пчелы похишилъ сощъ,
И пчелой за шо въ опмщенье
Былъ ужаленнымъ Эрошъ.
Вспрепенувшись, несчастный,
Крадены, сердясь, сошы
Въ розовы уста, прекрасны,
Спряшалъ юной красошы.
«На,» — сказалъ : — « мои хищенья
Ты для памяши возьми,
И опнынъ наслажденья
Ты въ устахъ своихъ храни.»
Съ шѣхъ поръ Хлою дорогую
Поцѣлую лишь когда,
Сласъ и боль я въ сердцѣ злую
Ощущаю завсегда.
Хлоя, жая, услаждаетъ,
Какъ пчелиная спрѣла :
Медъ и ядъ въ меня вливаетъ,
И, помя меня, мила.

XCIX.

ЧЕЧОТКА.

На розу съвъ, уснула
Чечотка подъ цвѣшкомъ;
Едва заря сверкнула
Румянымъ огонькомъ,
Проснулась, встрепелась:
Жемчужинки лежатъ,
Скорлупка развернулась:
Вкругъ желшы крошки спятъ,
Глядяшъ и ожидаюшъ
Капель серебряной росы,
Что имъ съ лисковъ спекаюшъ,
Какъ солнечны красы.
Самецъ, прижмась у вѣшки,
Тихохонько глядишъ.
«Ты милъ, а больше дѣшки,»
Чечотка говоришъ:
«Леши и попекися
Сыскашъ имъ червячковъ.»
Съ шѣхъ поръ, покой, простися!
Онъ рѣдко межъ цвѣшовъ.

РАСПУСКАЮЩАЯСЯ РОЗА.

О цвѣтъ прекрасный, осыпаемъ
Поушпру перловой росой ,
Зефиромъ въ полдень лобызаемъ !
Открой скорѣй румянецъ швой.

Ахъ, нѣтъ ! помедль: еще не знаешь
Всѣхъ шварей плѣнныхъ ты щещы :
Въ шопъ мигъ, какъ изъ пеленъ проглянешь,
Увы! должна увянуть ты.

И ты цвѣшешь не такъ ли, Хлоя ?
Не съ тѣмъ ли родилась на свѣтъ ,
Чшобъ всѣхъ прельсся, лишишь покоя ,
И скоро пошеряшь свой цвѣтъ ?

Покинь же спебель швой опасный,
Укрась, о роза! Хлоѣ грудь;
Коль ты цвѣшокъ изъ всѣхъ прекрасный,
На ней блаженнѣе всѣхъ будь.

Царицей будь на ней опнынь;
Украсивъ грудь, умри на ней :
Завидуя швоей судьбинѣ ,
Захочешъ смерши всякъ швоей.

О такъ! немного дней продлился,
Какъ будешь ты на ней блистать:
Благоуханьемъ огонь родишь;
По Хлоѣ будешь всякъ вздыхать.

Вздыхай! плянй! тебѣ Лель спрасный
Покажетъ скоро путь. — Но знай:
Увеселяя взоръ прекрасный,
Грудь украшай, но сокрывай.

А если наглою кто рукою
Покой дерзнетъ твой возмутить,
Вдохнувъ по мнѣ, спѣши иглою
Твоей сопернику отмстить.

СІ.

Ц Ъ П О Ч К А.

Послалъ я средь сего листочка
Изъ мелкихъ колецъ тонку нить:
Искусная сія цѣпочка
Удобна грудь твою покрыть.

Позволь съ нѣжнѣйшимъ дерзновеньемъ
Обнять твою ей шею вокругъ:
Захочешь, — будешь украшеньемъ;
Не хочешь, — спрячь ее въ сундукъ.

Иной вѣдь на тебя такую
Наложить цѣпь, чпо, ахъ! грузна :
Обдумай мысль сію простую ,
Красавица! — и будь умна.

СІІ.

В Ъ Е Р Ъ .

Когда бъ владѣль я цѣлымъ міромъ ,
Хошѣлъ бы вѣромъ симъ бытъ :
Всѣхъ прохлаждалъ бы я зефиромъ,
И былъ бы всей вселенной щипъ ;
А пы, махаясь, Хлоя, мною,
Опъ жара сильнаго дыша ,
Какъ солнце бы цвѣла красою ,
Моей бывъ тѣнью хороша.

КЪ МАТЕРИ,

КОТОРАЯ САМА ВОСПИТЫВАЕТЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ.

Иныхъ веселье убѣгаетъ,
Съ тобой оно живетъ всегда :
Гдѣ разумъ съ красотою блистаетъ,
Тамъ не скучаютъ никогда.

Являя благородны чувства,
Не судишь ты спрассей людскихъ ;
Обнявъ Науки и Искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.

Въ такомъ уединеннѣ скромномъ
Ты шакъ добротою блисташъ ;
Какъ Ангелъ въ храмъ благовонномъ,
Всѣмъ обожашъ себя велишъ.

**КЪ ДОБРОДѢТЕЛЬНОЙ
КРАСАВИЩЪ.**

Тѣлесна красота, душевна добродѣтель,
Являющъ мудрому единую мѣшу.
Коль зришь у первой онъ согласіе въ чертахъ,
А правду у другой и въ мысляхъ и въ дѣлахъ!
То видишь въ двухъ одну прямую красоту,
Иль, лучше, образецъ тѣхъ вышнихъ совершенствъ,
По коимъ красоты и благоспи Содѣтель,
Для наслажденія блаженствъ
И плоти и духовъ,
Образовалъ боговъ.
Они красоту и благъ прямыхъ другъ въ другъ
зрѣньемъ
И вѣчнымъ ихъ собой взаимнымъ наслажденьемъ
Произвели любовь.
Сіи же существа, прекрасныя, благія,
Коль суть не вымыслы и не мечты пусныя:
То ужь конечно ты
Одна изъ Геніевъ, иль Ангельскихъ міровъ,
Таланты чьи, дѣла, умъ, шѣла красоты
Приводяшъ духъ въ воспоргъ, во нѣжны чувства
кровь,
И въ Философію и въ старость льюшъ любовь.

CV.

СОЛОМОНЪ и СУЛАМИТА.

О! какъ мнѣ твои очи!

Любви твоей видѣ,

I.

Соломонъ (одинъ).

Зима ужь миновала:

Ни дождь, ни снѣгъ неидесть ;

Земля зеленой спала,

Синь воздухъ, лугъ цвѣшетъ.

Все взглядъ веселый мещетъ ,

Жизнь новую все цѣшетъ ;

Ливанъ по кедрамъ блещетъ ,

На лисьяхъ липы медъ.

Пшицъ нѣжныхъ воздыханье

Несется сквозь листовъ ;

Любовь ихъ, лобызанье

Вьешъ гнѣзда для пшеницъ.

Шиповый запахъ съ луга

Дыхаетъ ночь и день :

Приди ко мнѣ, подруга ,

Подъ благовонну пѣнь!

Приди плѣнишься пѣньемъ

Небесъ, лѣсовъ, полей,

Да слухомъ и видѣньемъ
Вкушу красы твоей.

О! коль мнѣ твоей пріятный
Любезенъ тихій видъ ,
А паче, ароматный
Какъ вздохъ ко мнѣ лепишъ.

II.

ИХЪ ПЕРЕКЛИКЪ.

Суламита.

Скажи, о другъ души моей!
Подъ коей миршой ты витаешь?
Какой забавишъ соловей?
Гдѣ кедръ, подъ коимъ почиваешь?

Соломонъ.

Когда не знаешь ты сего,
Пастушка милая, — овечекъ
Гони ты спада твоего
На дворъ, что въ рощѣ между рѣчекъ.

Суламита.

Скажи, какой изъ всѣхъ цвѣтовъ
Тебѣ прекраснѣй, благовоннѣй?

Чтобъ не искашь межъ паспуховъ
Тебя, — и ты бь былъ мной довольтй.

Соломонъ.

Какъ въ домъ войдешъ, во всѣхъ воспоргъ
Вдохнешъ ты шамъ своей красою ;
Введешъ Царь дѣву въ свой черпогъ ,
Украшишь ризой золопою.

Суламита.

Мнѣ всякой домъ безъ друга пусшъ.
Мой другъ прекрасенъ, младъ, умиленъ :
Какъ на грудяхъ онъ розы кусшъ ;
Какъ виноградъ, онъ крѣпокъ, силенъ.

Соломонъ.

Моей молодой подруги видъ
Всѣхъ возвышеннѣй женъ, прекраснѣй.

Суламита.

Какъ горликъ на меня онъ зришъ , —
Въ самой невинности всѣхъ спрашнѣй.

Соломонъ.

Она мила , — шѣнистый верхъ
И кедръ на брачный одръ къ намъ клонишъ.

Суламита.

Онъ милъ, — и намъ любовь готовишь
Въ правъ душистой тѣмъ унѣхъ.

III.

Суламита (одна).

Сколь милый мой прекрасенъ !
Тамъ, шамъ вонъ ходишь онъ :
Лицемъ, какъ мѣсяцъ ясенъ ;
Челомъ, — въ заряхъ Сіонъ.
Съ главы его спрулася
Волнъ желтые власы ;
Съ вѣнца, какъ съ солища, зряся
Блещающа красы.

Сколь милый мой прекрасенъ !
Взоръ тихъ, какъ голубинъ ;
Какъ арфа, доброгласенъ ;
Какъ огонь уста, какъ кринъ
Цвѣшущъ въ ланищахъ розы ;
Пріятности въ чертахъ,
Какъ Май, прогнавъ морозы,
Смѣются на холмахъ.

Сколь милый мой прекрасенъ !
Тимпана звучный громъ
Какъ съ гуслими согласенъ ,

Такъ онъ (со мной) во всемъ.
Но гдѣ мой другъ любезный?
Гдѣ сердца моего
Супругъ? Внявъ гласъ мой слезный,
Сыщите мнѣ его.

Сколь милый мой прекрасенъ!
Пошелъ онъ въ садъ цвѣтновъ.
Но вечеръ ужъ ненашенъ:
Рвешь розы, знашь, съ кустовъ.
Ахъ! нѣтъ со мной, — ищите,
Всѣ кличьте вы его,
Мнѣ душу (возвратите);
Умру я безъ него.

IV.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Положимъ на души печать:
Въ сердцахъ союзомъ ушвердимся;
Другъ друга будемъ обожаемъ;
Въ любви своей не прѣмнимся.

Хоръ дѣвъ.

Любовь сердцамъ
Какъ медъ сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Лишь ревность намъ спрашна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ,
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Вода не можетъ угасить
Взаимна пламени любви;
Имѣніемъ нельзя купить
Волненья сладостнаго крови.

Хоръ.

Любовь сердцамъ
Какъ медь сладка,
Любовь душамъ
Какъ смерть крѣпка.

Соломонъ и Суламита (вмѣстѣ).

Лишь ревность намъ спрашна, ужасна,
Какъ пламя яро ада мрачна.

Ты богъ мой былъ, **Х о р ъ.**

О ласкѣхъ, въ **Любовь** сердцамъ
Но, какъ! не **Какъ** медь сладка,
И вѣрила, — **Любовь** душамъ
Судили, а не **Какъ** смерть крѣпка.

Къ несчастно **С V I.**
Ты смѣлъ, — **С V I.**

Любви неслыханной въ **С А Ф Ы**
И слышу, до **С А Ф Ы**
Чинъ **В Т О Р Ы Й П Е Р Е В О Д Ъ.**

На жернову не **В Т О Р Ы Й П Е Р Е В О Д Ъ.**
Все — **В Т О Р Ы Й П Е Р Е В О Д Ъ.**

Какъ **Счастливъ**, подобится въ блаженствѣ тотъ богамъ,
Кто близъ тебя сидишь и по тебѣ вздыхаешь,
Съ шобой бесѣдуешь, тебѣ внимаешь самъ,
И сладкою твоей улыбкой шайно шаешь.

А кто **Я** чувствую шопъ мигъ, когда тебя съ нимъ
Безо **Я** чувствую шопъ мигъ, когда тебя съ нимъ
Тончайшій **зрю**,
Тончайшій **огнь** и мразъ изъ жилъ текущій въ
Такъ **жилы**;

Въ **воспорахъ** сладостныхъ вся млѣю, вся горю.
Ни **словъ** не нахожу, ни **голоса**, ни **силы**;

Когда **шобою** скорѣе **зрю**,
Съ **Гуспая** темна мгла мой **взоръ** объемлешь **вкругъ**;
Не **слышу** ничего, не **вижу** и не **знаю**:
Въ **оцѣпененіи** едва дышу, — и **вдругъ**,
Лишенна **чувствъ**, **дрожу**, **блѣднѣю**,.... **умираю**.
Когда **тебѣ** **утомо** **сѣвѣю** **вздымаю** **и** **внѣ**

СѢНІ.

П Е Н И.

Доспигнулъ спрашнѣй слухъ ко мнѣ ,
Чѣмъ спалъ ты лживъ и лицемѣренъ ;
Въ швоей опеческой спранъ ,
О льсонецъ! мнѣ сдѣлался невѣренъ.
Тѣ нѣжнѣспы, копоры мнѣ
Являлъ любви швоей въ огнѣ ,
Во спраспы новой погружаешь ;
О мнѣ не мнишь, не говоришь ,
Другой любовь свою даришь,
Меня совсѣмъ позабываешь.

Тѣ рѣчи , шѣ слова въ устахъ ,
Меня копорыя ласкали ;
Тѣ шайны взгляды во очахъ ,
Копорыя меня искали ;
Тѣ вздохи пламенной любви ,
Тѣ нѣжны чувствіа въ крови ,
То сердце, чѣмъ меня любило ,
Душа, кошорая жила ,
Чѣмъбъ я душей ея была :
Ахъ! все, все, все мнѣ измѣнило !

Кого жь на свѣтѣ почишашъ
За справедливаго возможно ,
Когда и ты ужъ увѣряшъ
Меня не посмѣдился ложно ?

Ты богъ мой былъ, ты кляшву далъ,
Ты нынѣ кляшву шу поиралъ. —
О льстецъ, въ злыхъ хипросняхъ ошмѣнной!
Но, нѣтъ! не кляшвъ сей
Я вѣрила, — душѣ швоей,
Судивши по своей влюбленной.

Къ несчастію тому, что мнѣ
Ты спалъ толико вѣроломень,
Любви неистовой въ огонь,
Я слышу, до того нескроменъ,
Что кляшвы, славу, честь,
На жертву не спрашась принесъ,
Все — говоряшъ — сказалъ подробно,
Какъ мной любимъ ты спрашно былъ.
Любя, любви кто измѣнилъ,
Въ томъ сердце все на злость способно.
А кто одинъ хоть только разъ
Безовѣспенъ быль смѣлъ душею,
Тотъ всякой день, тотъ всякой часъ
Быль можетъ вѣчно вреденъ ею.
Такъ ты, такъ ты шаковъ-то люшъ! —
Ахъ нѣтъ! — Средь самыхъ шѣхъ минушъ,
Когда себя я ненавижу,
Когда шобою скорбь шерплю,
Съ шобой я швой порокъ люблю;
Въ тебѣ еще все прелесъ вижу.
Мой свѣтъ! коль ты ко мнѣ просшылъ;
Когда тебѣ угодно шсало,

Чтобъ сердце, кое ты любилъ,
Тебя ужъ больше не прельщало:
Такъ въ тѣхъ мнѣ скучные часы,
Какъ зришь ужъ не во мнѣ красы,
Не мнѣ пріятносѣми лаская,
Сидишь съ прелестницей своей:
Оспраду дай душѣ моей,
Меня хоть въ мысляхъ воображая.

Представь уста, ошкось любовь
Любовными ты пилъ устами;
Представь глаза, мигъ каждый вновь
Ошкось мой жаръ ты зрѣлъ очами;
Вообрази хоть видъ лица,
Что всѣхъ тебѣ Царей вѣнца
И всей пріятнѣй былъ вселенной. —
Ахъ! видъ, хоть видъ уже не сей:
Лишенная любви твоей,
Я зрю себя всего лишенной.

Жалѣй о мнѣ, — и за любовь
Оставленной твоей любезной,
Прошу, не проливай ты кровь, —
Одной пожертвуй каплей слезной,
Поплачь и попусти, сменя;
Иль хоть обманывай меня:
Скажи, что ты неліцемѣренъ,
Скажи, — и прекрати злой слухъ.
Дражайшій мой любовникъ, другъ!
Коль можно, сдѣлайся мнѣ вѣренъ.

CVIII.

НЕВѢСТЪ.

Хотѣлъ бы похвалить, но чѣмъ начать, не знаю.
Какъ роза, ты нѣжна, какъ Ангелъ, хороша;
Пріятна, какъ Любовь; любезна, какъ Душа;
Ты лучше всѣхъ похвалъ: тебя я обожаю!

Нарядомъ мнѣ придаютъ красавицъ пріятство.
Но лзя ль алмазами милѣй быть дурношъ?
Прелеснѣе ты всѣхъ въ невинной простотѣ:
Теряешь на тебѣ сіяніе богатство.

Лилей на холмахъ въ груди твоей блистають,
Зефиры крошкіе во нравъ тебѣ даны,
Долинки на щекахъ, улыбки зарь, весны;
На розахъ уснѣ твоихъ — сопы благоухають.

Какъ по челу власы ты рассыпаешь черны,
Румяная заря глядишь изъ темныхъ пучъ;
И поншъ какъ голубой пронзаешь звѣздный лучъ,
Такъ сердца глубину провидишь взглядъ твой
скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Всѣ прелести твои изобразить хочу?
Чѣмъ больше я прельщенъ, тѣмъ больше я молчу:
Соборъ въ тебѣ уснѣхъ, блаженство вижу рая!

Какъ счастливъ смертный, кто съ побой
проводитъ время !

Счастливѣ того, кто нравишься тебѣ :
Въ благополучіи кого сравню себѣ ,
Когда злыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя ?

СІХ.

ПРЕПЯТСТВІЕ КЪ СВИДАНІЮ СЪ СУПРУГОЮ.

Что начашъ во утѣшеніе
Безъ возлюбленной моей ?
Сердце! бодрствуй въ сокрушеніи :
Я увижусь скоро съ ней.
Мнѣ любезная предстанетъ
Въ прежней нѣжности своей ,
И внимать , какъ прежде, станетъ
Нѣжности она моей :
Сколько будешь разговоровъ !
Сколько радостей прямыхъ !
Сколько милыхъ, сладкихъ взоровъ ,
Лучше и утѣхъ самихъ !
Укромися же, спихія !
Подселися, пушь, спопамъ !
Для жены моей младыя
Должно бышь послушнымъ вамъ.
Такъ, свирѣпыми волнами

Сколько съ нею ни дѣлюсь,
Имъ на вѣкъ шумѣшь со льдами, —
Съ нею вѣченъ мой союзъ.
Не спрашивая бѣ я ввергаюсь
Въ волны яры для нея;
Но навѣки съ ней разспашься,
Жизнь мнѣ дорога моя.
Жизнь утѣхи и покою!
Возвращись опять ко мнѣ;
Жизнь съ шоль милою женою—
Рай во всякой споронѣ;
Тамъ веселія сердечны,
Сладки, нѣжны чувства тамъ;
Тамъ блаженства безконечны,
Лишь приличныя богамъ.

СХ.

ДѢТЯМЪ,

НА КОМЕДИЮ ИХЪ И МАСКЕРАДЪ.

Являлъ недавно сладкій сонъ
Пенея мнѣ долину злачну;
Я зрѣлъ сквозь дѣбрь древесъ прозрачну:
Игралъ на скрипкѣ Аполлонъ.
Вблизи его Эрошовъ шма,
Все душики, всѣ краснощоки,
Крылашы, бѣлы, чернооки,

И Нимфъ прекрасныхъ куперьма
Плясала подъ свирѣльми ихъ ;
Всѣ обнимались другъ со другомъ ,
И всѣ, рѣзвась, вершѣлись кругомъ :
Въ восторгъ былъ я, зря на нихъ !
Хотѣлъ, чпобъ сихъ любви божковъ ,
Харитъ шоль милыхъ видѣшь въ явѣ ;
Но что? — въ швоей проспой забавъ ,
Съ семьей швоей, я зрю ихъ, Львовъ.

СХІ.

НА БАЛЕТЪ

ЗЕФИРЪ и ФЛОРА.

Чшо за призраки прелесшны,
Легки, свѣшлы сущесшва ,
Сонмъ ээирный, сонмъ небесный,
Тѣни, лица божесшва ,
Въ неописанномъ восторгѣ
Мой лелѣюшъ, нѣжашъ духъ ?
Не боговъ ли я въ черпогъ ? —
Правъ шы, правъ шы, Шведенбургъ !

Вижу холмъ подъ облаками
Озлащаемый лучемъ ,
Осѣняемый древами ,
Ожурчаемый ключемъ ;
Средь сребриспыхъ водъ и брегу

Лебедей, дѣшей зрю вдругъ;
Вижу всю Эдемску нѣгу. —
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Слышу: дышетъ повсемѣстно,
Порхаетъ вокругъ розъ Зефиръ,
Улыбаются прелестно
Красота опъ звуковъ диръ;
Душъ невинныхъ разговоры
Какъ гармонія вокругъ,
Какъ зари ихъ свѣпяшъ взоры. —

Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Дремлетъ злоба съ мрачнымъ свойствомъ,
Спишь, нахмуясь, бранный жаръ;
Миръ, объемлясь съ спокойствомъ;
Пьютъ божественный нектаръ;
Духи вверхъ и внизъ шурмуютъ,
Хороводы выюся вокругъ;
Съ дружною любовью ликують. —

Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Правъ ты, что воображеньемъ
Могъ сихъ тайнствъ доходишь,
Что мы плоти съ отверженьемъ
Будемъ съ Ангелами жишь.
Ахъ! коль ложно это чувство;
Нашъ безсиленъ смертенъ духъ;
Не швило бъ дивъ искусство. —

Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ!

Не могли бѣ мы возвышаться
И къ понятію духовъ , —
Ихъ блаженствомъ утѣшались
На земли, средь облаковъ ;
Днесъ ихъ разность въ томъ лишь съ нами,
Что нашъ связанъ съ тѣломъ духъ ;
Будемъ, будемъ мы богами !
Правъ ты, правъ ты, Шведенбургъ !

— СХІІ. —

М О И Г Р А Ц І И.

Се дѣвы милыя, что мой склоняютъ духъ
Къ себѣ умомъ, красой и сердца воспианьемъ
Любя ихъ каждую, равно всѣхъ любишь вдругъ
Подъ добродѣтели святымъ сіяньемъ.

Важна и весела улыбкой та своей,
Другая крошкихъ чувствъ и въ робости любима,
Плѣняетъ прешія огнемъ своихъ очей ;
Отъ Ангеловъ опрѣла неизбѣжима.

Злашее яблоко прекраснѣйшей изъ нихъ
Бывъ долженъ подарить, я бѣ раздѣлилъ на части,
Иль сшаршая возьми: увѣренъ, что однихъ
Ревнивыхъ склоненъ духъ ошмщенья къ спрасни.

Взоръ Лизы, какъ эфиръ: свѣтла ея душа.

Взоръ Вѣры, Паши чертъ, какъ скромна ночь съ
звѣздами.

Амуръ и Гименей! бѣгите къ нимъ спѣша :
Пріятности во вѣкъ жишь будущъ съ вами.

СХІІІ.

БЛАЖЕНСТВО СУПРУГИ.

Блаженна та жена, копорая изъ круга
Уклонись роскоши, какъ бы звѣзда въ тѣни,
Въ содружествѣ сеспры, въ объятіи супруга,
Проводишь въ тишинѣ благословенны дни!
Подъ съверомъ съдымъ ни мразъ, ни вихрь, ни
вьюга
Не ужасають ихъ; но, лиліямъ они
Подобно сплешшимся среди тѣниса луга,
Лишь непорочности своей цвѣшуть въ сѣни.
Не въ силахъ возмутишь спокойства ихъ шумъ
града,
Ни прихоши богапствъ, ни зависть, ни досада;
Но, бывъ довольными они своей судьбой,
Не ищутъ на землѣ благъ рая, Альдорада;
Но совѣсть чистая и Небо имъ награда.
Почтенная Ш....! Ты зришь здѣсь образъ свой.

СХІV.

ЛУЧЬ.

Князь - Громъ имѣлъ Умилу,
Прекрасну, нѣжну дочь :
Очей прелестныхъ силу
Кто зрѣлъ, шлѣлъ день и ночь.
У этого жь Князь - Грома
Былъ щитоносецъ, Лучъ :
Съ геройствомъ грудь знакома
Не ужасалась пучь ;
Ко Князю онъ услуженъ ,
Въ опасностяхъ съ нимъ былъ ,
И Князь, ему пожь друженъ ,
Его за сына чпилъ.

Сосѣдъ тогда Княжною
Плѣнился Въшеръ - Ханъ,
Съ влюбленною душою
Просперъ ко браку длань.
Нужна была Князь - Грому
Сосѣда Въпра мочь :
Любовнику шакому
И общалъ онъ дочь.
Нельзя было шущъ силъ
Прошивишься никакъ :
Пришло сказать Умилъ ,
Хоть не по сердцу, — такъ !

Души волненья спрасиной
Не могъ шупъ Лучь сносишь;
За сердце онъ прекрасной
Умилы хочешь мспишь.
Но въ рыцари какъ небомъ
Онъ не былъ посвященъ,
Сражашся Въпра съ ревомъ
Природой не рожденъ:
То, чпобъ опцу любезной
Ничъмъ не согрubiшь,
Ръшился огонь свой нъжной
Въ шуманахъ, въ мракахъ скрышь.

СХV.

П Р И З Н А Н І Е.

Не умълъ я пришворяшся,
На свяшаго походишь,
Важнымъ саномъ надувашся,
И Философа брашъ видъ;
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ правишся лишь имъ:
Умъ и сердце чловѣчье
Были Геніемъ моимъ.
Если я блиспалъ воспоргомъ,
Съ спрунъ моихъ огонь лешълъ, —
Не собой блиспалъ я, — Богомъ:
Внѣ себя я Бога пълъ.
Если звуки посвящались

Лиры моя Царямъ,
Добродѣтелями казались
Мнѣ они равны богамъ.
Если за побѣды громки
Я вѣнцы сплеталъ Вождямъ,
Думалъ перелишь въ пощомки
Души ихъ я ихъ дѣшамъ.
Если гдѣ Вельможамъ власнымъ
Смѣлъ я правду брякнушь въ слухъ,
Мнилъ бытъ сердцемъ непристрастнымъ
Имъ, Царю, опчизнѣ другъ.
Если жъ я и суешою
Самъ былъ свѣша обольщенъ, —
Признаюся, красошою
Бывъ плѣненнымъ, пѣлъ и женъ;
Словомъ: жегъ любви колъ пламень,
Падалъ я, вспавалъ въ мой вѣкъ:
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ.

СХVІ.

ПЛАЧЬ ЦАРИЦЫ.

Развернулась лишь лилея,
И на солнце енала зрѣшь;
Улыбнулась, алѣя,
Только роза, — ссыкла смерть,
Будто мраморна Царица

На супружной выгъ зришся,
Спонешъ маперь, спонешъ свѣшъ :
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ !

Плачешъ добрая Царица :
Рокъ у ней злой дщерь унесъ ;
Какъ роса, огнемъ спруишся
На ланишахъ капля слезъ ,
Скорбь души изображая.
Дщерь бездушну лобызая,
Спонешъ маперь, спонешъ свѣшъ :
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ !

Въ одиночествѣ, въ разлукѣ,
Какъ супруга нѣшъ со мной,
Кто мнѣ въ горести и скукѣ
Собесѣдникъ будешъ мой ?
Чей мнѣ взоръ и лепешанье
Вспомнишь Ангеловъ вишанье ? —
Спонешъ маперь, спонешъ свѣшъ :
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ !

Кто Царя во дни унывы
Взглядомъ милымъ озаришъ ;
Руки распростира невинны ,
Взяшь на лоно приманишъ ?
Ахъ! кто бранному Герою
Дѣшской чesть отдастъ игрою ?
Спонешъ маперь, спонешъ свѣшъ :
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ !

Тяжко бремя кшо короны
Будешъ нашей облегчать?
Подъ порфирой духа споны
Упованьемъ услаждать?
Безъ надежды наслажденья
Цѣлый свѣтъ не награжденье.
Спонешъ машерь, спонешъ свѣтъ?
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Прочь и скипешрь, и держава,
И блестящій дворскій сонмъ!
Суеша и Царска слава,
Если смерть грозишь серпомъ.
Такъ Царица возглашала
И ушъхамъ не внимала.
Спонешъ машерь, спонешъ свѣтъ?
Нѣшъ, ахъ! Лизы, Лизы нѣшъ!

Но межъ ей и межъ супруга
Стоя плачуша; Любовь
Лобызаниемъ другъ друга
Уполяетъ смущну кровь.
Весь народъ, имъ благъ радья,
Просишь: крошкая лилея!
Райскій кринъ! благоухай!
Новые плоды намъ дай.

СХVІІ.

гизан

ОБИТЕЛЬ ДОБРАДЫ.

И слагаетъ добрая янъ алмазъ.

—, йонинъни ундръкобъ оу аполнъкобъ оу

Вкругъ слагаетъ янъ алмазъ оу

ПАЛЕМОНЪ.

, йонинъкобъ асгъ оуакобъ

Среди плешенныя, шиповыя ограды,

Онъ въ сѣбѣ, Подъ тѣнью липъ, дубовъ, И

Онъ въ сѣбѣ, Между сирень и розовыхъ кустовъ, И

Домъ благодатныя, неблазныя Добрады,

Богини всякаго добра, аполнъкобъ асгъ И

Царицы пѣмъ щедрошъ,

Въ полугоръ спойшъ, и вдалѣ чрезъ долъ съ высошъ

Блесшишъ изъ мрамора сполпами; йон

—, асгъ аполнъкобъ асгъ И

Съ уступами гора, асгъ аполнъкобъ асгъ И

Шумящій водоскашъ, жемчужными спруями

Сверкая, сыплешся въ рѣку, И

И прогоняешъ дѣвъ задумчивыхъ поску. — И

Здѣсь, возвышаешся олшаръ Творцу вселенной, И

И обелисковъ рядъ несешся къ небесамъ, И

Царямъ, И

Вождамъ, И

Друзьямъ, И

Вкругъ благовоиѣмъ вседневно окуренной;

А шущъ песпръющся различныя цвѣшъ,

Для вящей сада красоты, асгъ аполнъкобъ асгъ И

Въ узорчашыхъ грядахъ, И

Какъ будшо на коврахъ, И

Между извилисшихъ, злшыхъ пропинъ, песчаныхъ,

По коимъ ходишь ликъ небесныхъ Валкъ избран-
ныхъ.

На мѣстѣ семъ
Добрада въ обществѣ своемъ,
Во сельской проспошѣ, но божеству приличной,—
Во знойный день,
Въ вечерній часъ обычной,
Подъ солнцемъ роши какъ кидаюшъ длинну шѣнь,
И опъ очей за нимъ черепокожна чуда,
Ползуща среди звѣздъ, не зрима ни ошкуда,
Алѣюшъ воды, горы и лѣса,
И въ золошъ горяшъ багряномъ небеса,
Шумъ шварей тише спановишся,
И легкій порхаешъ Зефиръ,
Рой насѣкомыхъ, чупъ вдали жужжа, толпишся,
И клонишся къ дремошъ мѣръ, —
Возсѣвши на скамѣ муравчашой, дерниспой,
Богиня воздухъ черплешъ чистой,
И смопришъ на свои упученны спада,
Идуши шяжело съ мычаньемъ изъ долины;
Иль зришъ средь озера спекляныя равнины,
Какъ тихо шянешся за лебедемъ бразда;
Иль слушаешъ, склонясь, преливисшыя шрели,
Какъ изъ-за роши къ ней
Доходяшъ голоса пасшущеской свирѣли;
Иль громкой соловей
Какъ шоржесшво своей
Любови спрасшной воспѣваетъ,
Опрывисшо звучишъ,
За громомъ громъ капишъ,
И всю себя внимаешъ Природу заспавляешъ;

Пошомъ же, ушомясь,
! Свой пише, пише гласъ
Какъ бы шепенно выпускаешъ,
И сладостно сменя, въ восторгъ умолкаешъ.
А иногда молву
Вкругъ слышишь по лѣсамъ богиня птицъ без-
гнѣзныхъ,
Какъ чадъ своихъ любезныхъ,
Онѣ къ себѣ зовушь: ау, ау, ау!
Опѣтскучныхъ споновъ сихъ склоня свою главу,
Подъ часъ задумчиво сидишь,
Молчишь;
А эхо пожь: ау, ау!
Безпрерывно повторяешъ,
Добрадѣ сердце раздираешъ,
Она вздыхаешъ,
Токъ слезный проливаешъ,
И бывши бѣдспвія и Лизу воспоминаешъ,
Что въ Майскій свѣшлый, юный день
Недавно скрылася во смертну пѣнь.
Ее, опца и мать оставивши въ печали;
Или грустишь,
Печальный кажешъ видъ,
Опсушсвенну изъ дали
Любезну дочь свою къ себѣ всечасно ждешъ,
И заунывну пѣснь шакъ про себя поешъ:
Арія.
Богиней я слыву;
Нейдушь заботы прочь:

Тебя къ себѣ зову ;

Приди, любезна дочь !

Ау, ау, ау !

Весна цвѣпишь праву ,

Зимы исчезла мочь :

Тебя къ себѣ зову ,

Приди, любезна дочь !

Ау, ау, ау !

Но чувствъ какъ шаковыхъ умильныхъ насладится ,

Объемлешь на одрѣ богиню сладкій сонъ ;

А Дажь - богъ, сшедъ съ небесъ, къ ней спражемъ

спановишся ,

И осѣняетъ звѣздъ щипомъ.

Валкала ликъ тогда подъ арфой тихоспрункой ,

Какъ шепчущій камышъ морской, или ручей

Въ въпреноватый часъ, часъ лунной,

Отвсюду ей

Во слухъ гармонію ліетъ ,

Дреманье и покой, на вѣжды мглу ведешь.

Хоръ.

О духи всемірны !

Крилъ вы эфирны

Просприше надъ ней ;

Спруися, ручей ,

Дремоны пріятной !

Душъ благодашной

Чиспой во всемъ ,

Зрися рай сномъ.

Д А Ф Н И С Ъ.

Надъ злчнымъ садомъ симъ Добрады
Воспока днесъ зашплась дверь! О
Ужъ не предвѣспье ль шо опрады?
Не возвращицца ли къ ней дщерь
Изъ дальнихъ, чуждыхъ сшранъ, изъ обласши су-
Тяли, либжею анимд-анниж-йонн-а-а-доши пруга?
Не скажешь ли о томъ чшо, Палемонъ, намъ шы?

Д А Ф Н А.

Я, я скажу: моя подруга,
Здѣсь рвавши на зарѣ цвѣшы
На поясъ, на вѣнецъ, и какъ ихъ соплешала,
Тихонько на ушко,
Чшобъ не подслушалъ кшо,
Мнѣ шакъ шепшала:
«Сегодня праздникъ у Добрады, —
Пріѣхала къ ней дочь.»
Я вмигъ украдкой прочь
Убѣгла ошъ сесперъ,
Чшобы и мнѣ, въ ея примѣрь,
Украсишь мой нарядъ, и въ день шакой пріятный,
Толь свѣшлый, милый, благодапный,
Усердья моего, всѣхъ больше показашь.
Какъ будущъ дочь и машь
Себя взаимно обнимашь,
И сладку межъ собой семейну жизнь вкушашь!

ДАФНИСЪ.

Какъ! ужь, пріѣхала къ намъ гостыя ожиданна?

О радость сердцу несказанна!

О душѣ ей преданныхъ воспоргъ!

Здорову ли ее принесъ обратно Богъ?

Цвѣтешъ ли красою ея, цвѣла какъ прежде,

И вѣчно чшобъ съ ней жишь, бышь можемъ ли въ

надеждѣ?

ПАЛЕМОНЪ.

Какъ на опечесство свое она глядишь,

На мать, на брашневъ, сеспръ? Въ бесѣдахъ гово-

ришь

Своимъ ли языкомъ?

ДАФНИСЪ.

Спросила ли о комъ?

Узнала ли друзей, и шѣ мѣста природны,

Гдѣ развивались красы порфирородны,

И улыбалась въ ней младенческа душа?

ДАФНА.

Все такъ же хороша:

Не разнишся ли въ чемъ весеннихъ дней съ зарею;

Съ среднею своею и младшею сеспрюю

Привѣшлива, скромна и ласкова ко всѣмъ;

Всечасно мать лобзаетъ;

А мать ее
Объемлешь, къ сердцу прижимаешь,
И на лицѣ явя веселіе свое,
Разлуку забываетъ.
Природа съ нихъ беретъ другой повсюду видъ,
И вокругъ торжественно сіяньемъ все блещишь:
Тамъ горы, тамъ лѣса играютъ,
Тамъ рыбы вверхъ изъ водъ какъ бы взлещаютъ,
Сверкая перьямъ, чешуей;
Повсюду, словомъ, все воспоишь свой.
Прекрасны дѣвы хороводомъ
И пляшутъ и поютъ, ея живая взоромъ.

Арія.

О какъ обитель
Добрады цвѣтешь!
Всякой въ ней житишь
Блаженно живешь;
Счастливо, пріятно,
Зришь какъ обрѣтешь
Прибывшу къ ней дщерь. —
Намъ рай здѣсь шеперь!

ПЛЕМОНЪ.

И о жишѣ она своемъ
За придевашъ земель, заморскомъ, рассказала
Тебѣ и всѣмъ?

Д А Ф Н А.

Подробно, все, съ начала
И даже до конца,
Какъ встрѣчена была опъ машери, опца,
Супруга своего, и опъ всего народа;
И какъ опъ хоровода
Всѣхъ тамошнихъ, какихъ-шо, Музь
По тамошнему пѣтъ ей былъ усердный Гимнъ.
Я вышвердиль его успѣла наизустъ,
И языкомъ своимъ —
Коль Дафнисъ согласился
Со мною поспрудиться,
Всѣмъ сердцемъ порадыть,
То можемъ мы его вдвоемъ здѣсь и пропѣть.

Д А Ф Н И С Ъ.

Зачни лишь, Дафна, пы; а я къ тебѣ приспану,
И вшорить спану.

Д у э т ъ. (*)

! Д А Ф Н А И Д А Ф Н И С Ъ.

« Вейся, вейся, въшвь цвѣшуца,
Блескъ злапымъ вѣнцемъ дающа,
Изъ чужаго небосклона
Пренесенна къ намъ на лоно,

(*) Дуэтъ сей и Тріо переводъ изъ Шиллера.

И съ сладчайшими плодами
Зеленый всегда листьями!»

Т р і о.

ПАЛЕМОНЪ, ДАФНИСЪ И ДАФНА.

«Вейся, вейся, въпвь цвѣщуца,
Къ небесамъ главу несуща!
И, дни бурные зимою,
Не касайшесь къ ней косою!»

ПАЛЕМОНЪ.

Когда въ чужомъ ее такъ славили народъ,
То стыдно будешь намъ,
Коль въ собственномъ своемъ опечесивъ и родъ
Мы воли не дадимъ сердцамъ,
И чувствъ своихъ къ опрадъ,
Сегодня поржества не изъявимъ Добрадъ.
Поди, о Дафнисъ! поскорый,
И предъ олтарь ты къ ней
Сзови всѣхъ насупховъ съ селеніевъ окружныхъ,
Участниковъ ея щедрошъ,
Да въ восклицаніяхъ содружныхъ
Пускай и весь народъ
За здравіе Добрады,
За всѣхъ ея родныхъ
Творцу моленье льещъ,
И восхищенныхъ чувствъ своихъ
Являетъ радость и прохлады.

МОЛИТВА НАРОДА.

О Боже! зри
Мольбы сердечны :
Съ высотъ проспри
Дни счастья вѣчны,
И всякихъ золъ
Избавь Добраду ;
Царя, престолъ
Прими въ ограду ,
И насъ храни :
Дай свѣплы дни.

ХОРЪ СИРОТЪ.

Ты опъ смерти воскресила ,
И изъ праха насъ взяла ,
Воспитала, вскормила ,
Просвѣщеніе дала.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна ,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари !
Сирыхъ благодарность зри.

ХОРЪ ДѢВИЦЪ.

Ты нашъ разумъ озарила ,
И украсила нашъ нравъ ?
Всѣмъ искуствамъ научила ,
Вмѣсто машери намъ славъ.
О Добрада благодатна !

Прелестна Колю жизнь подданныхъ пріятна ,
Гдѣ шакъ царствуюшъ Цари !
Съудъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ ВДОВЪ.

Ты насъ дланію покрыла ,
Даровала намъ покой ,
Жизнь несчастну прекратила
Щедрою швоей рукой.
О Добрада благодашна !
Колю жизнь подданныхъ пріятна ,
Гдѣ шакъ царствуюшъ Цари !
Вдовъ днесь благодарность зри.

ХОРЪ РЕМЕСЛЪ.

Ты искусствомъ надѣлила ,
Намъ познанія дала :
Пряшь и шкашь насъ научила ,
Пользу общую ввела.
О Добрада благодашна !
Колю жизнь подданныхъ пріятна ,
Гдѣ шакъ царствуюшъ Цари !
Музь днесь благодарность зри.

ХОРЪ ОБЩІЙ.

Ты намъ милосши являешь ,
И щедрошами даришь ;
Всѣхъ ласкаешь, угощаешь ,

По достоинствамъ насъ чтишь.
О Добрада благодатна!
Коль жизнь подданныхъ пріятна,
Гдѣ такъ царствуютъ Цари!
Общу благодарность зри.

ПАЛЕМОНЪ.

Но зрите, какъ сія божественна Царица
Скромна, и все добро лишь для добра шворишь;
Хотя сіяешь всѣмъ, какъ бы небесъ зарница,
Но взоръ прозрачная шончица (*)
Ея, какъ легкій облакъ, тмишь,
Когда ей ароматъ съ полсвѣща душъ горитъ.

СХVІІІ.

ПОМИНИ.

Побѣдительница смертныхъ,
Не имѣя силъ терпѣшь
Красоты побѣдъ несмѣтныхъ,
Поразила Майну, — смерть.
Возрыдали вокругъ Эрошы,
Всплакалъ, возрыдалъ и я;
Музы, зря на мрачны нощи,
Пѣли гимнъ ей, и моя
Горестъ повторяла лира.
Убѣжала радость прочь;

(*) Тонкое покрывало.

Прелести сокрылись міра;
Тишина и черна ночь
Скушали мой домъ въ запоны,
Ошъ земли и ошъ небесъ
Слышны эха только споны;
Плачемъ мы, — и плачешъ лѣсъ;
Воемъ мы, — и воюшъ горы.
Плачь сей былъ бы безъ конца,
Если бъ алый лучъ Авроры,
Богъ, что свѣшишь Музъ въ сердца,
Не предсхаль, и мнѣ сіяньемъ
Не вліялъ ушѣхи въ грудь.
«Помяни,» — рекъ: «возліяньемъ
Доблестъ, и покоенъ будь.»
Взялъ я урну, и росами
Чистыми, будпо кристаллъ,
Полну напочилъ слезами;
Гробъ обливъ, поцѣловалъ, —
И изъ праха возникаюшъ
Се при розы, сплешись въ кустъ,
Веселяшъ, благоухаюшъ,
Разгоняюшъ мрачну грусть.

СХІХ.

А Л Ь Б А У М Ъ.

Когда земны оставишь Царства,
Пойдешь въ Эдемъ, иль Элизей,
Харонъ вопросишь, иль мытарства,
Изъ жизни, подорожной, сей:
Поэшовъ можешь одобренья
Въ альбаумъ швоемъ явишь;
Духамъ отдавъ ихъ для проченья,
Пашпортъ швой ими замѣнишь.
По нихъ тебя узнають шѣни,
Кшо ты, и въ свѣшъ какъ жила;
Твои всѣ чувства, помышленьи
Раскроются, какъ солнцемъ мгла.
Тогда ты можешь оправдаться,
И, ахъ! иль обвиненной бышь,
Въ пушь правый, лѣвый провождаешься,
Свяшой, иль окаянной слышь:
Тогда черта, взглядъ, вздохъ, цвѣшъ, слово
Сей книги записной въ лиспахъ
Духовно примушь шѣло ново,
И обличашъ себя въ дѣлахъ
Во всѣхъ часахъ швоихъ, мгновеньяхъ;
Ты спанешь на судѣ нагой:
Въ поступкахъ, мысляхъ и движеняхъ
Мракъ самый будешь послухъ швой.
Поэшь, тебя превозносившій,
Прямымъ заговоришь лицомъ,

Порокъ, иль добродѣтель чшившей

Своимъ возопіешъ лиспомъ.

Лиспъ желшый, напрымѣръ, надменность

Явишъ, что гордо ты жила;

На синемъ скупоспъ вскрикнешъ, ревность,

Что ты соперницъ врагъ была;

На сребряномъ вспрубишъ богатство,

Что ты въ свой вѣкъ прельщалась имъ;

На темномъ зашипшъ лукавство,

Что въ грудь вилась друзьямъ швоимъ;

На аломъ засмѣеши радость,

Что весело любила жишъ;

На розовомъ воспляшешъ младость,

Что съ ней хощѣла вѣкъ свой длишъ;

На глянцовашомъ самолюбье

Улыбкою своей дашъ знашъ,

Что было зеркало орудье

Красотъ швоихъ, дабы прельщашъ;

Надежда на лиспкахъ зеленыхъ

Шепнешъ о всѣхъ швоихъ мечшахъ;

На сѣренькихъ лиспкахъ смиренныхъ

Печаль завоешъ во слезахъ.

Но Геній, благъ швоихъ свидѣтель,

На бѣлыхъ лиспяхъ въ блескъ словъ

Покажетъ Вѣру, добродѣтель

И безпорочную любовь.

СХХ.

ПОСЫЛКА ПЛОДОВЪ.

Когда дѣлящая часы небесъ планета,
Къ намъ возвращаяся, приходитъ жить съ пель-
цомъ:

Опъ пламенныхъ роговъ щедроша льется свѣта,
Міръ облакается и блескомъ и тепломъ.

Не только лишь земля съ наружности одѣта,
Цвѣтами долъ неспришь и кроенъ лакомъ холмъ,
Но и въ безжизненной внутрь влажности нагрѣта,
Плодопворишельнымъ чреватѣеть лучомъ,
И сими насъ даритъ, другими ли плодами.

Подобна солнцу ты межъ красными женами,
Очей твоихъ лучемъ пронзая сердце мнѣ,
И помыслы родишь и слова любовны. —
Но, ахъ! они къ тебѣ колько ни наклонны,
Въ цвѣтущей не жила въ я никогда веснѣ.

ПРОГУЛКА.

Находясь съ такимъ въ Природѣ швари
зрѣньемъ,
Что быспро свой возносишь на солнце могущъ
взоръ;

Но сущъ и шъ, кому лучъ вреденъ удареньемъ,
А подъ вечеръ они выходятъ лишь изъ норъ.

Иныя жъ нѣкакимъ безумнымъ вождельньемъ
И на огонь лешашъ, красотъ въ немъ зря соборъ;
Но лишь касающся, сгарающъ мановеньемъ,
И я бѣднякъ сихъ шолпъ и образъ и позоръ!

Безсиленъ будучи сносишь лучи свѣшила,
Которымъ я прельщенъ, ни шѣни, коя бѣ скрыла
Меня гдѣ ошъ него, ни мѣша я не зрю;
Но съ пошупленными, слезящими очами
Влекусь чрезъ силу зрѣшь на солнце межъ женами,
Не мысля, ахъ! о помъ, хошь ею и сгорю.

ЗАДУМЧИВОСТЬ.

Задумчиво, одинъ, широкими шагами
Хожу, и мѣрю пуспыхъ проспранство мѣспъ;
Очами мрачными смопрю передъ ногами,
Не зрится ль на пекъ гдѣ челоуѣчій слѣдъ.

Увы! я помощи себѣ между людьми
Не вижу, не ищу, какъ лишъ оспавишь свѣспъ;
Веселье коль прошло, груспъ обладаешъ нами,
Золъ внуспреннихъ печашъ на взорахъ всякой
чпешъ, —

И, мнишся, мнѣ кричашъ долины, рѣки, холмы:
Какимъ огнемъ мой духъ и чувспвія жегомы,
И ошъ дражайшихъ глазъ чшо взоръ скрываетъ мой.
Но нѣшъ пуспынь шакихъ, ни дебрей мрачныхъ,
дальныхъ,
Куда любовь моя въ мечшахъ моихъ печальныхъ
Не приходила бы бесѣдовашъ со мной.

СХХІІІ.

В О Д О М Е Т Ъ.

Лучь шумящій, водомешный!
Свыше сыплюща роса!
Гдѣ въ тѣни въ день знойный, лѣшній,
Совершенная краса,
Раскидавъ по дерну члены,
И сквозясь межъ спруй, въшвей,
Сномъ объяша, въ видѣ тѣны,
Взглядъ влекла души моей;
Гдѣ на зыблющу склонялись
Лилии блестящу грудь,
Зарь ихъ розы успѣ касались,
И желали къ нимъ прильнуть;
Воздухъ свѣжеспыю своею
Ей спѣшилъ благоуханъ;
Травки, смятыя подъ нею,
Не хотѣли воспавашъ;
Гдѣ я очи голубыя
Небесамъ подобно зрѣлъ,
Съ коихъ спрѣлы огневые
Въ грудь бросалъ мнѣ злобный Лель.
О мѣсца, мѣсца священные!
Хотѣ лишенъ я васъ судьбой;
Но прелестны вы, волшебны,
И споль милы мнѣ собой,

Что поднесъ о васъ вздыхаю
И забышь никакъ не могъ ;
Съ жалобой напоминаю :
Мой послѣдній слышше вздохъ.

СХХІV.

ВЪНЕЩЪ БЕЗСМЕРТІЯ.

Бесѣдовалъ съ Анакреономъ
Въ пріятномъ я недавно снѣ ,
Подъ жаркимъ, свѣшлымъ небосклономъ ,
Въ шѣни онъ пальмъ явился мнѣ.

Харишы, вокругъ его, Эрошы,
Съ брашиною злапою Вакхъ ,
Ваѣиль прекрасный, въ роши, грошы
Ходили въ розовыхъ вѣнкахъ.

Онъ дѣвъ плясаньемъ забавлялся ,
Тряхнувъ подъ часъ самъ сѣдиной ,
На бѣлы груди любовался ,
На взоръ мешалъ ихъ пламень свой ;

Или, возлегши раменами
На мягки розы, опдыхалъ ;
Огниспыми склонясь ушами ,
Изъ кубка медъ злапый вкушалъ ;

Иль сидя съ юнымъ другомъ, нѣжнымъ ,
Попрепывалъ его рукой,
А взоромъ вкругъ себя прилежнымъ
Искалъ красавицы какой.

Цари къ себѣ его просили,
Поѣсть, попишь и погоспишь,
Таланшы злаша подносили ,
Хошѣли съ нимъ друзьями бышь;

Но онъ покой, любовь, свободу
Чинамъ, богашству предпочелъ ;
Средь игръ , веселій, хороводу ,
Съ красавицами вѣкъ провелъ.

Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шушилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ ,
И шушками себѣ такими
Вънецъ безсмертія снискалъ.

Посмѣйшесь, красоны Россійски ,
Чшо я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ Тіискій,
Дерзнулъ себѣ искашь вѣнка.

СХХV.

КЪ КРАСАВЦУ.

Фортуна, власною рукою
Бросая жребіи людей,
Души и шѣла красою
И прелесными тебя чесней
И сердцемъ добрымъ наградила,
Въ любви и въ брани для побѣдъ:
Но шупъ же въ младости сулила
Въ войнѣ тебѣ ужасный вредъ.

Увы! добра и зла смѣшенье
Нераздѣлимо въ жизни сей.
Коль часто скорби и терпѣнье
Есть участь самыхъ и Царей!
Что жъ въ свѣтѣ есть славнѣй сей доли,
Какъ кровь по должности пролишь?
Теперь и зависъ прошивъ воли
Должна въ тебѣ Героя чпиль.

НОВОСЕЛЬЕ МОЛОДЫХЪ.

Дафнисъ.

Днесъ, Дафна! радость намъ, веселье:
Родишелей швоихъ, моихъ,
Мы позовемъ на новоселье,
И праздникъ сдѣлаемъ для нихъ.

Дафна.

Изрядно, Дафнисъ! — Я съ цвѣтами
Для нихъ корзинку припасу;
Весь домикъ окурю духами,
И сыръ и масло принесу.

Дафнисъ.

Надѣнь сорочку бѣлоснѣжну;
На грудь двѣ розы приколи,
И ферязь поясомъ зеленоу,
Подбравъ немного ошъ земли,
Устрой шакъ къ пляскѣ ножки милы,
Чшобы, подь пѣсней, козелка
Такъ проплясашъ шебъ, какъ крилы
Порхающъ вешня въшерка.

Дафна.

Все будетъ, Дафнисъ. — Ты жь скорѣе
Воздвигнь алтарь, и пѣ на немъ
Цвѣты, плоды, что естъ спѣлѣе,
Пославъ, да ихъ мы принесемъ
На жертву подъ свирѣльми Пану
За нашихъ здравіе гостей,
И что съ родителъми я стану
Вкушать тобой злыхътокъ дней.

Дафнисъ.

О Дафна милая, драгая,
Другъ сердца, свѣтъ моихъ очей!
Лишь ты, хозяйка молодая,
Моихъ пребудешь счасъемъ дней.

Дафна.

Нѣтъ, ты. — Ахъ, гости дорогіе!
Вы здѣсь? — Родитель нѣжный, мать!
Какія жертвы вамъ другія?
Мы можемъ лишь сердца опдашь,
За хлѣбъ и соль намъ принесенны,
За курицу и пѣшука.

Дафнисъ.

Мы всѣмъ оутъ васъ благословенны!
Я вѣрный сынъ вашъ!

ВОЛХОВЪ КУБРЪ.

Напрасно, Кубра дорогая,
Поешь о славѣ твоей;
Прелестна дѣвушка, молодая!
Мнѣ пѣть бы о красѣ твоей.

Хоша угрюмъ и важенъ взоромъ
И сѣдина на волосахъ,
Но рѣдко бурями и громомъ
Въ моихъ бушующихъ лѣсахъ.

Я мирный гражданинъ, торговый,
И безпрестанно въ хлопотахъ;
За старымъ караваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ;

Наполненъ барками, судами,
На парусахъ и бичевой,
Я Русскихъ пѣсень голосами
Увеселяю слухъ лишь свой.

Межъ холмиковъ, дубковъ саженихъ,
Ведешь пологъ мурава
Моихъ въ снѣ пушниковъ наемныхъ,
Плывущихъ спуская рукава;

Иль видяшъ золотыя нивы
То песпрошу цвѣшовъ въ лугахъ;
То лучъ съ серповъ и косъ игривый
Въ муравленыхъ горитъ водахъ.

Шумащи перловы пороги
Имъ слабо преграждаютъ путь:
Премудро, справедливо боги
Богатство за труды дають.

И Бардъ мой съ арфой вѣхострунной
Хоть, сидя на холму, поетъ,
Но, предспавляя вечеръ лунной,
Онъ тихій голосъ издаетъ.

Увы! сколь парусомъ пробѣгшихъ,
На лямкахъ шедшихъ зрѣлъ ладей!
И сколько подъ луной умершихъ
Онъ духомъ зришь своихъ друзей!

Уже и вождь, ногой желѣзной
Сступавшій Александра въ слѣдъ,
Прекрасный челоуѣкъ, любезной,
Лучъ бѣдныхъ — блещетъ между звѣздъ.

И ты, въ Наядахъ бывъ извѣстной,
Не завсегда волной шуми;
Но розовой рукой, прелестной,
Вздохнувъ, Меналка обойми.

Съ Біономъ, Гесперомъ, Марономъ,

Потомства позднего въ умѣ
Твердась паспущимъ, сельскимъ пономъ,
Съ кузничикомъ свѣпись во шмѣ.

СХХVІІІ.

Ц И Р Ц Е Я.

На каменной скалѣ, страшилищѣ Природы,
Безплодный, дикій верхъ вознесшей къ небесамъ,
Цирцея слезъ проливъ пошокъ,
Ошчаянна, блѣдна, дрожаща, полумертва,
Тоски сердечной жершва,
Свой злой оплакивала рокъ.
Тамъ, брося съ вышины бродящій взоръ на воды
Улисса по слѣдамъ,
По шмѣ, по вѣпру, по волнамъ
Бѣгущаго, какъ ей казалось, догоняешь.
Ужъ видѣшь думаешь, и въ испугленьи семъ,
Какъ бы спокоясь, опдыхаешь;
Въ прерывчапомъ вздыханіи своемъ
Обратно такъ его, рыдая, призываетъ:
«Рушишель моего покою!
Поспой, жестокій! оглянись!
Не жаръ швой раздѣлишь со мною, —
Изъ сожалѣнья возвращись,
И ускори хошя мнѣ смерть!
Любовью сердце умерщвленно,
Но ей еще оно дышитъ.

Тиранъ! ахъ, такъ ли заплачено

То пламя, что тобой горитъ?

Рушитель моего покою!

Поспой, жестокий! оглянись!

Не жаръ твой разделишь со мною,

Изъ сожалѣнья возвратись,

И ускори хоща мнѣ смерть!» —

Въ такихъ она словахъ печаль свою являетъ;

Но ко волшебству вмигъ прибѣжище беретъ:

Со воплемъ всѣхъ боговъ изъ ада призываетъ,

Паркъ, Фурій, Немезисъ, Цербера, Флегетона,

Гекапу злобную и лютаго Алкциона,

Чтобъ возвратили къ ней любви ея предметъ.

Тутъ срубъ на алтарь кровавомъ загорѣлся

Снисшедшей молніей, и вмигъ одинъ пожегся;

Пары сгустились, покрылся мракомъ свѣтъ,

Остановилося теченіе планетъ,

И рѣки съ шумомъ вспявъ побѣгли въ вихрь зѣль-
номъ;

Въ жилищѣ самъ Плутонъ содрогся подземельномъ.

Столь голосомъ грознымъ

Подвигся весь адъ,

Подъ гуломъ громовымъ

Сводъ звукнулъ Пліадъ;

Завѣса ужасна

Подернула свѣтъ;

Дно шаршара мрачна,

Содрогшись, реветъ;

Кипитъ и ярился

Морь бурна волна;

Отъ страху врашился
Кровава луна.

Такое сильное очарованье злобы
Во преисподней всѣхъ вспревозжило тѣней :
Вспаюшъ, отъ ужаса оспавя сонъ свой, гробы ,
И въ воздухъ вдали, Эреба въ безднѣ всей,
Глухой, унылый вопль, печальны завыванья ,
Ревъ, скрежестъ слышанъ ихъ ;
И съ ними страшныхъ бурь смѣшенные свистанья
Исшедшихъ изъ могилъ, вершеповъ, нѣдръ земныхъ.
Но всѣ усилія безплодны суть сіи,
О ты, любовница несчастна !
Сильнѣйшему тебѣ ты божеству подвласна ;
Черезъ чары ты свои
Могла попрысать весь міръ, и молніей ужасной
Зѣвъ ада распалишь ;
Но то, чего не могъ свершить твой взоръ пре-
красной,
Не можешь злобой учинишь.
Любовь никакъ нельзя принудишь :
Чужихъ она не шерпишь правъ ;
Зависѣшь отъ себя лишь любишь ;
Ей нравишься, — лишь милымъ спавъ ;
Законъ ея весь свѣтъ плѣняешь ,
Ни чьихъ не вѣдаешь сама.
Зима поля цвѣтовъ лишаешь ,
Вънчаетъ розами весна ,
Борей Зефировъ прогоняешь ,
Зефиръ Бореевъ, солнце шма ;

А какъ любовь ужъ улетаешъ,
Не возвращается она.

СХХІХ.

З И М А.

П о э т ъ.

Чшо ты, Муза, такъ печальна,
Пригорюнившись, сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Скоча волосы, глядишь;
Цифры, флейшы и скрыпицы,
Въ бѣлы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Пльниры не поешь?

М у з а.

Чшо мнѣ пѣшь? — Ахъ! гдѣ Хариты?
И друзей моихъ ужъ нѣтъ!
Л....., Х..... въ гробъ скрыты,
За Днѣпромъ К..... живешъ.
В....., лиръ любишель,
Богатырь, пѣвецъ въ кругу,
Беззабошный свѣша жишель,
Согнушъ скорбями въ дугу.

П о э т ъ.

Да! Фелицы нѣшъ, Плѣниры,
Нѣшъ Харишъ, и нѣшъ друзей:
Звукъ торжественныя лиры
Посвящишь кому твоей!
Посвящишь ли въ честь ты Хлору,
Иль Добрадъ въ славу ты?
Трубъ у нихъ не слышно хору,
Дни ихъ тихи, какъ лисы.

М у з а.

Тошъ сидишь всегда за дѣломъ,
Та покоишь вдовъ, сиротъ;
Въ покрывалъ скромномъ, бѣломъ,
Такъ зима гошовишь плодъ.
Не видашь ея работы,
Не слыхаешь ея машинъ;
Но по сукъ зряшься льгошы,
И земля цвѣшетъ какъ кринъ.

П о э т ъ.

Между тѣмъ къ намъ, В....новъ
Ты прійди хоша согбенъ:
Огнь разложимъ средь каминовъ,
Милыхъ сердцу соберемъ;
И подъ арфой пихогласной
Наливая алыи сокъ,

Воспоемъ нашъ хладъ прекрасной :
Дай Зимъ здоровье, Богъ !

СХХХ.

А С П А З І И.

Блещешъ Ашшика женами;
Всѣхъ Аспазія милѣй :
Черными очей огнями,
Грудью пѣнною своей
Удивляючи Аѳины,
Превосходишь всѣхъ собой;
Взоры орли, души львины
Жжешъ, какъ солнце, красоной.

Рѣзвяшся вокругъ ушѣхи,
Улыбаешся любовь,
Нѣги, радости и смѣхи,
Плешеницы изъ цвѣшовъ
На героевъ налагаюшъ,
И влекушъ сердца къ ней въ плѣнь ;
Мудрецы по ней вздыхаюшъ,
И Периклъ въ нее влюбленъ.

Угождаюшъ ей Науки ,
Дань Художества даюшъ ;
Музикійски сладки звуки
Въ взгляды помноспъ ей ліюшъ.

Она чувствуешь, вздыхаешь, —
Нужная видна душа, —
А сама того не знаешь,
Чѣмъ всѣхъ больше хороша.

Зависть съ злобой, содружая,
Смотряшь косо на нее;
Съ черной клеветой свѣяся,
Уподобяся змѣ,
Тонкія кидаюшь жалы,
И виняешь въ хуль боговъ.
Ужь Перикла силы малы
Быть щипомъ ей опъ враговъ;

Ужь ведется всенародно
Предъ судей она на судъ;
Злы молвы о ней свободно
Ужь не шепчущъ, — вопіюшь;
Ужь собранье засѣдало;
Ужь Архонты всѣ въ очкахъ;
Но сняла лишь покрывало —
Палъ предъ ней Ареопагъ!

CXXXI.

КЪ МЕЦЕНАТУ.

Сабинскаго вина, простаго ,
Немного изъ большихъ кувшиновъ
Днесъ выпьешь у меня, Меценъ !
Что самъ на Греческихъ винъ гнѣзда
Наливъ, я засмолилъ въ пошъ день ,

Когда, любезнѣйшій мой рыцарь ,
Народъ тебя встрѣчалъ въ шеапрѣ
Со плескомъ рукъ, и громъ ошъ хвалъ
Твоихъ съ береговъ родимыхъ Тибра
Звучалъ, сверхъ Вапиканскихъ горъ.

Ты у себя вино Секубско
И сладки пьешь Калесски соки ;
Но у меня ихъ нѣтъ, — и гроздь
Ни Форміанскій, ни Фалерискій
Моихъ не благовонитъ чашъ.

КЪ БАХУСУ.

Вакха вдали (вѣрь мнѣ попомсшво!) я видѣлъ
Межъ дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣшь училъ пѣсни
Нимфъ, спавшихъ вокругъ, внимавшихъ его, — и
вверхъ
Завоспренныхъ ушми козлоногихъ Сашировъ.

Эвоа! дрожитъ еще сердце опъ страха:
Ужасомъ бога исполненно скачешъ оно
Съ радости дикой. — Эванъ! щади, о щади!
Опъ грознаго Тирса я шрясусь, цѣпенъя!

Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіадахъ,
О быспрошекущемъ винѣ, млечныхъ попокахъ,
И медъ какъ изъ ушлыхъ, древесныхъ, дуплистыхъ
Пней каплетъ на землю, извиваясь спруями.

Такъ, позволь мнѣ воспѣшь и о свѣшломъ вѣнцѣ,
Блеспящемъ межъ звѣздъ, швоей блаженной супруги,
О страшномъ паденьи жилища Пеншея
И о Θракійска Ликурга пагубѣ люшой.

Ты волны далекихъ крошишь океановъ,
И, шумный вкругъ холмовъ обшекая пустынныхъ,
Женъ Боспонискихъ переплетше безвредно,
Связуешь власы змѣй ядовишыхъ узлами.

Ты, буйна Гиганшовъ вдругъ крамола когда
Верхъ на верхъ по горамъ взгроможденнымъ
взмосшяся,
Къ опчему Царству взнеслась, съ зѣвомъ ужаснымъ
И съ львиными Реса когтями, вспяшь ниспровергъ.

Опъ всѣхъ хопя ты, какъ искусный плясавецъ,
Въ шушкахъ и играхъ любви способнымъ былъ
признанъ;
Въ браняхъ не меньше потомъ примѣръ далъ собой,
И великъ ты равно, какъ въ бояхъ, шакъ и въ миръ.

Церберъ, въ рогахъ золошыхъ, зрѣлъ тебя тихо
И ни чупъ не взревѣвъ, лишь хвостомъ обвивая,
Съ крошосью ласпясь, прехъ языками зѣвовъ
Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедра.

СXXXIII.

КЪ ЛИДИИ.

Скажи мнѣ, Лидія, боговъ
Подъ клятвою прошу: почто ты Сибариса

Любя губишь, что нынѣ онъ
Возненавидѣлъ рапъ, пыль, зной сносишь могущій?

Почто, надѣвъ броню, верхомъ
Межъ сверспныхъ всадниковъ не ѣздишь, и уздою

Стальнозубчатой не крошишь
Бурливаго коня, всѣхъ яроспнѣйша Галловъ?

Зачѣмъ касаешься Тибра онъ
Боится желтыхъ волнъ, и опъ борцовъ елея
Бѣжишь, опъ яда какъ ехиднѣ?
Сожженныхъ зноемъ рукъ, оружіе носящихъ,
Зачѣмъ не кажешь, всѣмъ хвалясь,
Что пращею своей сподвижниковъ всѣхъ далѣй
Онъ за пещавленную цѣль
Пребрасывалъ кружцы тяжелые нерѣдко?
И древле, какъ Оешидинъ сынъ,
Предъ слезнымъ, жалоспнымъ паденьемъ Иллиона
Зачѣмъ онъ прячется опъ войскъ,
Чтобъ и его на брань не увлекли съ собою?

СXXXIV.

ПОЛИГИМНІИ.

Муза Элады, пылка Сафа,
Сѣверныхъ спранъ Полигимніа!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли шо спруны злашыя,
Что молніи въ души бросаю,
Что громами шихо гремя,
Грудь раздробляюшь мою!
Иль, о румянощока, чернокудра,
Агашовоокая Дѣва!
Ты мнѣ древняго слога премудра

Вишіевъ Эольскихъ напѣва
Съ розовыхъ устъ гласъ проливаетъ?
Слышу журчащіе поки
И во гармоньи пону!

Такъ, ты, Греко - Россійска Харипа,
Вблизи какъ меня возсѣдая,
Коснулась во мнѣ дланью Пипа,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимнъ возглашая Богу:
Сердце во мнѣ воспаменялось,
Слезы ручьями лились!

И если бъ мигъ еще продолжила
Твое небозвучное чшенье,
Всю жизнь бы мою какъ былье спалила;
Распаялъ бы я въ восхищеньѣ,
Юной красой упоая;
Блаженства снесши бы не могъ,
Умеръ, любовью сгорѣвъ.

Но холодная старость, сѣдая,
Блѣднымъ покрывъ щипомъ копянымъ,
Стрѣлы твоихъ очесъ отражая,
Хотъ упасъ ко спомамъ мнѣ твоимъ
Строго тогда воспретила, —
Избѣгъ я себя; но твой взглядъ,
Лучъ какъ въ льдѣ, блещетъ во мнѣ.

Зришся въ моемъ, горитъ воображеньѣ,
Ахъ! какъ солнце, твоя краса!

Слышу побой, мое выраженье
И очаровашельна мечта
Всю душу мою наполняешъ
Пѣньемъ швоимъ пѣсенъ моихъ. —

Буду я, буду безсмертенъ !

СХХХV.

ЧЕРТА КЪ БІОГРАФІИ
Д Е Р Ж А В И Н А (*).

Кто вель его на Геликонъ ,
И управлялъ его шаги ?
Не школь вишійспвенныхъ содомъ :
Природа, нужда и враги.

(*) „Объясненіе чешырехъ сихъ строкъ,“ писалъ Г. Р. Державинъ къ Графу Д. И. Хвостову: „составить исторію моего стихотворства, причину онаго и необходимость.“

СХХХVI.

НА ПТИЧКУ.

Поймали птичку голосисту,
И ну сжимаешь ее рукой:
Пищешь бѣдняжка, вмѣсто свисту, —
А ей твердишь: пой, птичка, пой!

СХХХVII.

ХОРЪ

СЕЛЬСКИХЪ ДѢВУШЕКЪ.

Не на яблонькѣ, не наливное,
Яблочко мило блескъ издаетъ, —
А у бабушки здѣсь родимое
Душишко, внучка, роза цвѣтетъ!

Что не мѣсяцъ младъ, не за облакомъ,
Съ упренней, красной свѣтлой звѣздой, —
Съ невѣстой женихъ съѣлъ за столомъ:
Душишко, внучка! Богъ ужъ съ тобой!

СХХХVIII.

НА КРАСАВИЦУ.

Красавица! зря пчель вокругъ розы ты, весной ,
Представь, что роза ты ; а мы, мы всѣ—твой рой.

СХХХIX.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ

ПИНДАРА ПИОИЧЕСКАЯ.

Златая арфа Аполлона,
Подруга чернокудрыхъ Музъ !
Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлеть
Монархъ веселья, пляска, ликъ :
Когда же, хоромъ управляя,
Даешь къ совосклицанью знакъ, —
Огонь быспрый, вѣчный, вседробящій,
Ты можешь молны попушишь !

Сидишь на скипестрѣ Зевеса
Орелъ, пернашыхъ Царь, и внизъ
Спустия высокопарны крылья,
Во сладостномъ забвеньи спишь.
Пріятна мгла, смежая вѣжди,
Главу его на перси гнешь ;

Бряцаньемъ шихимъ ушомленный,
Чуть зыблется хребетъ его.

Свирѣпый Марсъ склоняетъ долу
Свое кроваво острѣе;
Ушѣхой сердце упоенно,
Смягчась, плѣняется его.
И самые безсмертны боги

Забавъ сражающся опѣ спрѣлы,
Какія персы Феба мещущъ
И нѣжны груди Піеридъ:

Но пошъ, кого Зевесъ не любишъ,
Дрожишъ опѣ звонкихъ пѣсенъ Музъ;
Трепещетъ на землѣ и морѣ
Вся груба, суца пварь опѣ нихъ;
Трепещетъ и Тифей споглавый,
Воишель бывый на боговъ:
Наверженъ спрашною горою,
Онъ въ мрачномъ паршарѣ лежишъ.

Килькійской оглашенной бездной
Онъ нѣкогда воспишанъ былъ;
Вокругъ его каменно-морскій
Днесъ Кумскій и Сицильскій брегъ
Космашу грудь опягощаешъ;
Столпомъ, досягшимъ до небесъ,
Держащимъ на себѣ снѣгъ вѣчный,
Прижашъ, придавленъ Эшной онъ.

Изъ челюстей своихъ извержешъ

Пошоками всежрущій огонь,
Который днемъ сквозь пучи дыма
Сверкаетъ искрами въ аэръ,
А ночью, вихрями крушая,
Горящимъ каменнымъ дождемъ,
Съ ужаснымъ грохопомъ и ревомъ
Въ морскую глубину падеть.

Не только зрѣшь его ужасно,
Какъ жупель онъ Вулкановъ вверхъ
Горящими спруишь рѣками, —
О немъ ужасенъ даже слухъ:
Какъ Эпной къ лиспомрачну верху
И къ дну прикованъ цѣпью онъ,
Изъязвленнымъ хребтомъ проспершись,
На терновыхъ лежишь буграхъ.

О Зевсъ, горы сея Властитель!
Помилуй и спаси чело
Спраны богатыя плодами,
Близъ коей соименный градъ
Воздвигъ народовъ поселишель,
И гдѣ въ риспалищъ Герольдъ
Пиѳійскомъ славу колесницы
Хироновой провозгласилъ!

Какъ въ поншъ пловцы пускась, ликуюшъ,
Зря вздушы въшромъ паруса,
Надеждою ихъ сердце льстишся,
Чшо счастливо свой пушъ свершатъ:
Такъ сихъ поржесшвъ начало кажеть,

Что градъ украсясь сей, и впредь
Въ вѣнцѣ побѣдъ, во блескѣ новомъ,
Возликовствуешь на пирахъ.

О Фебъ! Лицея Повелишель,
Делоса свѣплый Царь, и другъ
Любимаго побой попока
Каспальскихъ водъ, съ Парнаскихъ горъ
Текущихъ, о, услышь желанье,
Сей гласъ мой, — и спрану сію,
Героями превознесенну,
На сердцѣ напиши пвоемъ!

Такъ милосшью боговъ единыхъ
И въ добродѣтеляхъ своихъ
Всѣ процвѣшаютъ человѣки!
Блаженства лишь они дождяшъ:
Черезъ нихъ премудрые — премудрость;
Краснорѣчивы — сладость устъ;
Могущіе — ихъ силу спяжущъ,
И всѣ дары шекушъ отъ нихъ.

И я, исполнясь ихъ воспоргомъ,
Вожделѣвая мужа пѣшь,
Да брошу сильною рукою
Мое выспрь мѣдное копье,
Копорое прямымъ полешомъ
Межъ соподвижниковъ моихъ,
Всѣхъ далѣй, всѣхъ быспрьй промчася,
Со звукомъ въ мѣшу попадешъ.

О! да всегда къ нему снисходишь
И впредь веселье шакъ, какъ днесь!
Осыпанъ счастія дарами,
Да забываешь скорбь свою,
А помнишь брани и побѣды,
Гдѣ жалъ онъ славу, цвѣшь боговъ,
Гдѣ съ нимъ никшо, кромѣ Гелона,
Благъ выше не снискалъ коронъ.

Но не пому ли ужь подобенъ—
Онъ древню Филокшешу днесь,
На брань гошову, снаряженну
По изволенію судебъ,
Кошораго изъ славныхъ воевъ
Первѣйшій мужеспвомъ Герой
Толь рѣдкимъ посѣтя привѣспвомъ,
И дружбою почпилъ своей?

Тогда, Вожди какъ приходили —
Съ собой его подѣ Трою звашь,
Лежалъ, спрадая въ Лемнѣ язвой,
Снабженный лукомъ, Фисовъ сынъ;
Хошь былъ безсильнымъ, слабымъ, пощимъ,
Но онъ низвергъ Пріамовъ градъ,
И подвигъ совершилъ Данаевъ:
Угодно было шакъ богамъ.

Возспавъ, о Боже! и Хирона
Ты шакъ съ болѣзненна одра,
И въ временахъ ему грядущихъ
Во всѣхъ желаньяхъ даждь успѣхъ!

А ты, о Муза! колесницы
Четвероконной поржесшвомъ
Восхиши духъ и Диноменовъ :
Не чужда сыну честь опца.

Ему ужь скоро возгласишся
И самому мной шакже пѣснь,
Какъ оному державцу Эшны,
Кому Хиронъ воздвигъ сей градъ
Злашой свободы на швердынъ,
По чершежу Хилійскихъ правъ ;
И Гераклидовъ родъ, Памфила,
Пребывъ Дорійцами до днесъ,

Хранишъ Эгимовы завѣшы
Съ пѣхъ самыхъ поръ, когда съ холмовъ
Тагеша двигшись, взялъ приспупомъ,
Опшоргнувъ опъ Амеклы, Пиндъ,
Счастливо ею завладѣвши,
И днесъ почтеннѣйшій сосѣдъ
Спалъ бѣлоконнымъ Тиндаридамъ,
И копій звуками цвѣшешъ.

Продли, продли, Зевесъ! пожь счастье
И на Аменовыхъ водахъ,
Да о Князьяхъ и о народъ
Молва правдивая гремишъ !
Опцемъ возвышенна младаго
Ты самъ Царя сего води,
И спарца умудрай маспиша
Въ согласи царшва содержашъ.

Молю тебя, молю, сынъ Хроновъ!
Да страшный ревъ военныхъ трубъ
Спокойства больше не смущаетъ,
Ни Тирянь, ни Финикьянь днесъ.
Ты самъ, Зевесъ! при Кумъ видѣлъ
Кораблегибельный позоръ,
И оному ударъ подобный,
Имъ данный Княземъ Сиракузь;

Ты зрѣлъ, какъ сильной онъ рукою
Съ смященныхъ бѣгствомъ кораблей
Свергалъ цвѣщущи войски въ море
И Грецію ошъ рабства спасъ!
Пѣснь благодарная Аѳинамъ
Принадлежишь за Саламинъ:
И я хвалю, не умолкая,
Спартанъ за Киперонскій бой.

О, какъ въ сихъ страшныхъ двухъ сраженьяхъ
Спрѣлами ополченны шмы
Надменныхъ Персовъ упали!
Какъ на смѣющихся берегахъ
Водами свѣшлыми Химеры
Звукъ Диноменовыхъ сыновъ
Гласишся мной, достойно спершихъ
Геройской мышцей полкъ враговъ.

Пѣснь крашкую, но содержащу
Въ себѣ дѣлъ болѣе, чѣмъ словъ,
Не столь хулишли терзающъ;
Но нагруженна черезъ край

Воображенъе упоминаешъ ;
И собственныхъ хвала гражданъ
Завистникамъ жмешъ тайно сердце :
Коль паче чужеземныхъ Chesъ !

Межъ шѣмъ раждашъ пріятнѣй зависшъ,
Чѣмъ сожалѣнъе намъ. — И шы
Не преставай ишши въ слѣдъ славы :
Рулемъ довѣрѣя правъ народъ,
Судъ икушай въ горнилъ правды,
Малѣйшу искру отъ Царя
Свѣшъ за большой пожаръ считаешъ ;
Тмы вокругъ свидѣтелей тебѣ.

Ревнуешъ ли попомсшва къ Chesш ?
Будъ швердымъ въ подвигахъ благихъ ,
И щедрымъ бышъ не опрѣкайся ;
Но паче, въшпромъ парусъ швой
Вздувай, подобно мореходцамъ ;
Лишь никогда, любезный мой,
Не обольщайся царедворцевъ
Лукавой сладостью словесъ.

Единъ гласъ памяти блаженной
Звучишъ за гробомъ, — и дѣла
Мужей великихъ воскрешаешъ
Во лѣшописцахъ и пѣвцахъ.
Не умрешъ Креза добродѣшель ;
Но люшый, злобный Фаларисъ ,
Людей въ волю сжигавшій мѣдномъ ,
Не воспоминаешся добромъ.

Нигдѣ о немъ не звукнеть арфа ;
Ея не вшорипъ юныхъ пѣснь :
О! такъ, Хиронъ, вкушенье жизни
Благополучья первый даръ,
Вшорой же даръ благая слава :
А кто спяжалъ ихъ обоихъ ,
Тому судьбы опредѣлили
Всѣхъ превосходнѣйшій вѣнецъ.

СХL.

ПИНДАРОВА

ОЛИМПИЧЕСКАЯ ПЕРВАЯ ПѢСНЬ.

Всѣхъ элеменовъ вода превосходнѣй ,
Злапо богашствъ среди пышныхъ, вельможныхъ,
Какъ между всѣхъ преизящнѣе блескомъ ,
Пышущу пламени ночью подобно.
Хощешь ли, Муза, побѣды возвысить , —
Звѣздъ не ищи, свѣтлозарнѣе пихихъ
Солнца полдневна лучей шеплошворныхъ ,
Кои, пусыню воздушну прошекши ,
Міръ освѣщающъ вокругъ , — и славнѣйшихъ
Ты не ищи же торжествъ Олимпійскихъ.

Душу Поэтовъ они
Пламенемъ всю наполняющъ ,
Кронова сына когда,
Сидя Гирона въ чернотахъ ,

Счасшьемъ, богашствомъ цвѣнущихъ ,
Звучно возносятъ, поютъ.

Скиптръ правосудья вращаетъ
Онъ въ многоспадной Тринарь,
Доблестей цвѣтъ всѣхъ собирая,
Блещетъ, красой озаряясь
Пѣсенъ согласныхъ съ музыкой,
Кои мы дружески часно,
Сидя съ нимъ вкругъ за прापезой ,
Въ славу ему восклицаемъ.

Снемли съ спѣны сей Дорійскую цифру ,
Коль Олимпійскій конь побѣдоносный ,
Нынѣ на рыцарскихъ играхъ рисавшій ,
Сладостнымъ духъ швой плѣняетъ воспоргомъ.
О! какъ онъ берегомъ быспро Алфея
Безъ подспреканія гордо, красиво,
Мчалъ Сиракузска Царя конелюбна,
Къ цѣли летя по всему Ипподрому,
Громкой побѣдой межъ всѣми блистая ,
Чессть своему пріобрѣлъ шѣмъ владыкъ.

Слава донынѣ о немъ
Селы, града пролетаетъ ,
Рождаимъ шоль много вождей
Лидскимъ Пелопсомъ селенны ;
Богъ, препоясавый моремъ
Землю, его возлюбилъ.

Мощный Непшунъ, какъ изъяла

Врѣюща свѣшла коноба
Клопа его, и ему пушъ
Коспи слоновой вложила
Снѣга бѣлѣйшее рамо.
Вѣрь, что чудесность бываетъ:
Сплошь, пестро сказокъ убранство
Нравится болѣе правды.

Прелестъ Поэзы, волшебная сила,
Звукомъ своимъ всѣхъ плѣнишь, услаждая;
Ризою басню почтенной облекши,
Ложному часто даетъ вѣроятность,
Лучшій свидѣтель грядущее время;
Смертныхъ всѣхъ есть лишь одна принадлежность,
Чтобъ съ умиленіемъ въ сердцѣ глубокимъ
Провозглашашъ всѣмъ боговъ благоспыню.
Если не будешь кпо виннымъ въ чемъ много,
Топъ и опвѣпу подвергнешся мало.

Сыне Таншаловъ! тебя
Нынѣ воспѣшъ я намѣренъ,
Прежде не пѣша никѣмъ, —
Твой какъ отецъ на прапезу
Звалъ всѣхъ боговъ въ свой любимый
Градъ, Сипилию, къ себѣ:

Скиппра презубна Державецъ,
Спрасшью къ тебѣ вспламеняся,
Взявши тебя какъ добычу,
Зевсу всечпиму далече
На огнеконномъ снарядѣ
Въ свѣплы взнесъ неба чершого;

Но для услуги сей самой

Былъ Ганимедъ шамъ ужь прежде.

Бывшу жь тебѣ опъ всѣхъ смертныхъ сокрыту,
Какъ опыскашь и посланцамъ родившей
Было тебя уже больше не можно :
Зависью мрачною, злой, воушенны
Тайны сосѣды всѣмъ слухъ распустили,
Будпо бы шѣло твое все на часпи
Было прерублено оспрой съкирой
И во кипящей водѣ разваренно,
Ночью богамъ въ кругу пира носимо ;
Сладоспно ими, какъ снѣдно, пожерпо.

Но возвъщаешь мнѣ о томъ,
Будпо безсмертные алчны,
Дерзко, безумно, грѣшно ; —
Сильно того я спрашуся.
Коль богохульниковъ часпо
Ярый сражаешь перунъ !

Чтили ль кого земнородныхъ

Неба блюшители, боги, —

Былъ то Таншаль. — Но, увы! онъ ,

Чашей блаженствъ упоенный,

Много себою кичася,

Гнѣвной свелъ мщенье десницы :

Камень надъ нимъ преужасный

Завесъ, яко гору, навѣсилъ.

Вѣчно съ главы его опрѣвася ,

Вѣчно бѣжишь отъ него и спокойство :
Жалкій спрадалецъ, межъ прехъ онъ чепвертый,
Жизнь провождаетъ свою всю въ мученьи,
Сколь въ бесполезномъ, споль горькомъ рыданьи,
Чшо у боговъ, даровавшихъ безсмертье,
Тайно священный похищилъ онъ нектаръ,
Также унесъ и амброзію сладку
Для угощенія смертныхъ клеврецовъ.
О суеша, сокрывашься отъ Вышнихъ !

Въ кару за тяжкій шоль грѣхъ
Боги обратно сослали
Сына въ родъ смертныхъ его,
Споль увядающій скоро.
Юность же розоцвѣща
Чернымъ лишь власомъ вокругъ

Щеки его опѣнила,
Сердце прельспилось мгновенно
Бракомъ ему обѣщаннымъ
Со Ипподаміей милой,
Дщерью владѣльца Олимпій.
Къ пѣнну онъ ночью шедъ морю,
Трезубодержца водхолмна
Вызвалъ, — и богъ лишь явился :

«Сильный Царь водъ?» — рекъ онъ, — «ежели дары
Благоугодны тебѣ сушь Венеры,
Мѣдно копье удержи Аэммона,
Скрой въ Элизей и меня ты съ собою
На колесницѣ швоей быспрошечной.

Тамъ съ нимъ сразяся, побѣду обрящу.
Тридцать ужь имъ жениховъ перебито ;
Дочь же его и понынѣ въ невѣстахъ.
Такъ!—лишь опасностей тѣхъ не встрѣчаютъ ,
Коихъ вся въ нѣжности жизнь прошекаетъ.

Мнѣ же коль рокъ ужь судилъ ,
Чтобъ умереть неизбежно,
Вѣкъ свой безславно потро
Мрачности въ нѣдрѣ скрывая,
Дѣлъ уклоняюсь геройскихъ,
Жизнь всю влачущъ со стыдомъ ?

Нѣтъ! нѣтъ!—иду я сражаться!
Пусть лишь опкрой мнѣ счастливый.»—
Такъ вѣщая, — и спѣшно
Душу онъ бога восхищилъ,
Кой, озаряя въ немъ сердце ,
Пролилъ сіянье на взоры,
Давъ ему неупоминимыхъ
Коней злыхъ съ колесницей.

Опѣ Аэммонова гнѣва избѣгши,
Дѣву испоргъ онъ со славой ко браку,
Седмь воевождей ему породившу ;
Тщилися чинить всѣ они добродѣтели.
Днесъ ему жершвы курятся надгробны,
Кои на брегъ онъ злечномъ Алфея
Во благолѣпіи внемля, почіесть.
Холмъ его вокругъ какъ могильный обходящъ ,
Тожь и алшаръ его въ праздничныхъ играхъ ,

Гдѣ собирается сонмъ чужестранцевъ.

Блещетъ далеко Пелопсъ
Славой торжествъ Олимпійскихъ
Со ипподромовъ своихъ ;
Сила гдѣ, быспросъ ногъ гибкихъ ,
Мышцы и жилы напрягшись,
Рьяно вдругъ споряшъ съ собой.

Лучъ опъ победы награда,
Вишазей въ вѣкъ услаждаетъ,
Слаще злапаго соша.
Да и кому чѣмъ сей вѣще
Радостью лъзя наслаждашся ,
Какъ не тому, гдѣ вседневно
Съ блескомъ она вспяшъ спруишся ,
И ушѣшаетъ насъ снова ?

Пѣсню Эольской и мнѣ днесъ надлежишъ
Вишязя игръ увѣнчашъ бранноносна ,
Конна риспанья по праву извѣстну.
Кпо межъ госшей здѣсь ешъ изъ иносстранныхъ ,
Иль изъ живыхъ гдѣ сушъ люди на свѣшъ ,
Царствъ чпо въ правленьи, Наукъ и Художествъ ,
Во превосходствѣ съ нимъ могъ бы поспоришъ ?
Нѣшъ! не дерзнешъ ужъ никшо, какъ онъ только ,
Бышъ возвеличенъ подвижниковъ въ ликъ
Благозвучащими пѣснями доспойно.

Богъ швой покровъ, о Хиронъ !
Нѣжно онъ бдишъ надъ шобою ,

Коль онъ не снимешъ впредь длань,
Взыду на красный холмъ Кроновъ
И въ сладкогласнѣйшихъ кликахъ
Бѣгъ колесницъ воспою.

Муза меня окрыляешъ,
Какъ быспролешную спрѣлу;
Взнесся шомъ симъ, а сей онымъ :
Ты же надъ всѣми вершина.
Шесшвуй же, въ долъ не взирая ,
Сей и всегда висопою :
Благо съ шобой жишь мнѣ, Вишязь !
Грецію пѣсни освѣшашъ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Коль он не спит, и не спит
Видя на красном холме Крестов
И в славотворных вехах
Блаженно востанет.

Мила моя, орышная,
Как бы востанет, и востанет
Востанет, и востанет, и востанет
Ты же, и востанет, и востанет
Востанет же, и востанет, и востанет
Сей и востанет, и востанет
Востанет с собой, и востанет
Третье, и востанет, и востанет.

КОММЕНТ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	Стран.
I. Царь - Дѣвица	1.
II. Приношеніе красавицамъ	9.
III. На рожденіе въ Сѣверъ Порфиророднаго Отрока.	10.
IV. Амуръ и Псишея	14.
V. Къ Граціямъ	15.
VI. Хариты	17.
VII. Побѣда красоты.	18.
VIII. Къ Музѣ	20.
IX. Пришествіе Феба	21.
X. Возвращеніе Весны.	25.
XI. Праздникъ воспитанницъ Дѣвичьяго Мо- настыря	24.
XII. Развалины	32.
XIII. Рожденіе Любви	37.
XIV. На брачныя торжества	39.
XV. Явленіе Аполлона и Дафны на Невскомъ берегу.	41.
XVI. Вѣнчаніе Леля.	43.
XVII. Бесѣда съ Геніемъ	44.
XVIII. Мечта	45.
XIX. Къ Анжеликѣ Кауфманъ	46.
XX. Апакреонъ въ собраніи	47.
XXI. Спящій Эротъ	49.
XXII. Къ лирѣ	50.
XXIII. Къ самому себѣ.	—
XXIV. Къ Софіи	51.

	Стран.
XXV. Потопленіе	52.
XXVI. На бракъ Графини Литты	53.
XXVII. Крезовъ Эроть	54.
XXVIII. Къ Эвтерпѣ	55.
XXIX. Анакреонъ у печки.	57.
XXX. Геркулесъ.	58.
XXXI. Пчела	60.
XXXII. Люси	61.
XXXIII. Бой.	—
XXXIV. Купидонъ	63.
XXXV. Горючій ключъ.	64.
XXXVI. Къ жещинамъ	65.
XXXVII. Соловей во снѣ	66.
XXXVIII. Венеринъ судъ	67.
XXXIX. Рожденіе красоты.	68.
XL. Скромность!	70.
XLI. Даръ	71.
XLII. Желаніе	72.
XLIII. Гостю.	73.
XLIV. Другу	74.
XLV. Парашѣ	75.
XLVI. Пиррѣ.	76.
XLVII. Портретъ Варюши	77.
XLVIII. Богатство	78.
XLIX. Горы	79.
L. Горки.	80.
LI. Виша	—
LII. Мельникъ.	81.
LIII. Птицеловъ	82.
LIV. Стрѣлокъ	83.
LV. Пѣночка	84.
LVI. Русскія дѣвушки	85.
LVII. Пѣснь Баярда	86.

	Стран.
LVIII. Варюшка	87.
LIX. Арфа	89.
LX. На разлуку	90.
LXI. Цыганская пляска	91.
LXII. Цѣли	93.
LXIII. Призываніе и явленіе Пльниры	94.
LXIV. Сафо	95.
LXV. Сафѣ	96.
LXVI. Тончио	97.
LXVII. Пикники	99.
LXVIII. Разныя вина	100.
LXIX. Философы, пьяный и трезвый	102.
LXX. Заздравный орелъ	105.
LXXI. Голубка	107.
LXXII. Лизѣ. Похвала розѣ	109.
LXXIII. Хмель	110.
LXXIV. Анакреово удовольствіе	112.
LXXV. Мореходецъ	113.
LXXVI. Махіавель	114.
LXXVII. Графинѣ Орловой	115.
LXXVIII. Деревенская жизнь	116.
LXXIX. Охотникъ	117.
LXXX. Объявленіе любви	118.
LXXXI. Пламидѣ	119.
LXXXII. Нинѣ	120.
LXXXIII. Всемигѣ	121.
LXXXIV. Кружка	122.
LXXXV. Гимнѣ Сафы Венерѣ	124.
LXXXVI. Тишина	127.
LXXXVII. Вниманіе	128.
LXXXVIII. Гитара	129.
LXXXIX. Шуточное желаніе	130.
XC. Бабочка	131.

	Слран
XCI. Кузнечикъ	132.
XСII. Любушкѣ	133.
XСIII. Старикъ	134.
XСIV. Плѣнникъ	135.
XCV. Фалконетовъ Купидонъ	136.
XCVI. Свобода	137.
XCVII. На пастушій балетъ	139.
XCVIII. Мщеніе	140.
XCIX. Чечопка	141.
C. Распускающаяся роза	142.
CI. Цѣпочка	143.
CII. Вверхъ	144.
CIII. Къ матери, которая сама воспитываетъ дѣтей своихъ	145.
CIV. Къ добродѣтельной красавицѣ	146.
CV. Соломонъ и Суламита	147.
CVI. Сафы второй переводъ	153.
CVII. Пени	154.
CVIII. Невѣсть	157.
CIX. Препятствіе къ свиданію съ супругою	158.
CX. Дѣтямъ, на комедію ихъ и маскарадъ	159.
CXI. На балетъ Зефиръ и Флора	160.
CXII. Мои Граціи	162.
CXIII. Блаженство супруги	163.
CXIV. Лучъ	164.
CXV. Признаніе	165.
CXVI. Плачь Царицы	166.
CXVII. Обитель Добрады	169.
CXVIII. Поминки	180.
CXIX. Альбаумъ	182.
CXX. Посылка плодовъ	184.
CXXI. Прогулка	185.
CXXII. Задумчивость	186.

	Сыран.
СХХІІІ. Водомешъ	187.
СХХІV. Вънецъ безсмертія	188.
СХХV. Къ красавцу	190.
СХХVІ. Новоселье молодыхъ	191.
СХХVІІ. Волховъ Кубръ	194.
СХХVІІІ. Цирцея	196.
СХХІХ. Зима	199.
СХХХ. Аспазія	201.
СХХХІ. Къ Меценату	203.
СХХХІІ. Къ Бахусу	204.
СХХХІІІ. Къ Лидіи	205.
СХХХІV. Полигимнія	206.
СХХХV. Черта къ Біографіи Державина	208.
СХХХVІ. На пшичку	209.
СХХХVІІ. Хоръ сельскихъ дѣвушекъ	—
СХХХVІІІ. На красавицу	210.
СХХХІХ. Первая пѣсня Пиндара Пническая	—
СХL. Пиндарова Олимпическая первая пѣснь	218.

187	CXXIII. Barmen
188	CXXIV. Barmen (Gemeinde)
190	CXXV. Naumburg
191	CXXVI. Homburg (Homburg)
191	CXXVII. Barmen (Homburg)
196	CXXVIII. Homburg
199	CXXIX. Homburg
201	CXXX. Homburg
202	CXXXI. Homburg
204	CXXXII. Homburg
205	CXXXIII. Homburg
206	CXXXIV. Homburg
208	CXXXV. Homburg
209	CXXXVI. Homburg
—	CXXXVII. Homburg
210	CXXXVIII. Homburg
—	CXXXIX. Homburg
216	CXL. Homburg
217	CXLI. Homburg
218	CXLII. Homburg
219	CXLIII. Homburg
220	CXLIV. Homburg
221	CXLV. Homburg
222	CXLVI. Homburg
223	CXLVII. Homburg
224	CXLVIII. Homburg
225	CXLIX. Homburg
226	CCL. Homburg
227	CCLI. Homburg
228	CCLII. Homburg
229	CCLIII. Homburg
230	CCLIV. Homburg
231	CCLV. Homburg
232	CCLVI. Homburg
233	CCLVII. Homburg
234	CCLVIII. Homburg
235	CCLIX. Homburg
236	CCLX. Homburg
237	CCLXI. Homburg
238	CCLXII. Homburg
239	CCLXIII. Homburg
240	CCLXIV. Homburg
241	CCLXV. Homburg
242	CCLXVI. Homburg
243	CCLXVII. Homburg
244	CCLXVIII. Homburg
245	CCLXIX. Homburg
246	CCLXX. Homburg
247	CCLXXI. Homburg
248	CCLXXII. Homburg
249	CCLXXIII. Homburg
250	CCLXXIV. Homburg
251	CCLXXV. Homburg
252	CCLXXVI. Homburg
253	CCLXXVII. Homburg
254	CCLXXVIII. Homburg
255	CCLXXIX. Homburg
256	CCLXXX. Homburg
257	CCLXXXI. Homburg
258	CCLXXXII. Homburg
259	CCLXXXIII. Homburg
260	CCLXXXIV. Homburg
261	CCLXXXV. Homburg
262	CCLXXXVI. Homburg
263	CCLXXXVII. Homburg
264	CCLXXXVIII. Homburg
265	CCLXXXIX. Homburg
266	CCLXXX. Homburg
267	CCLXXXI. Homburg
268	CCLXXXII. Homburg
269	CCLXXXIII. Homburg
270	CCLXXXIV. Homburg
271	CCLXXXV. Homburg
272	CCLXXXVI. Homburg
273	CCLXXXVII. Homburg
274	CCLXXXVIII. Homburg
275	CCLXXXIX. Homburg
276	CCLXXX. Homburg
277	CCLXXXI. Homburg
278	CCLXXXII. Homburg
279	CCLXXXIII. Homburg
280	CCLXXXIV. Homburg
281	CCLXXXV. Homburg
282	CCLXXXVI. Homburg
283	CCLXXXVII. Homburg
284	CCLXXXVIII. Homburg
285	CCLXXXIX. Homburg
286	CCLXXX. Homburg
287	CCLXXXI. Homburg
288	CCLXXXII. Homburg
289	CCLXXXIII. Homburg
290	CCLXXXIV. Homburg
291	CCLXXXV. Homburg
292	CCLXXXVI. Homburg
293	CCLXXXVII. Homburg
294	CCLXXXVIII. Homburg
295	CCLXXXIX. Homburg
296	CCLXXX. Homburg
297	CCLXXXI. Homburg
298	CCLXXXII. Homburg
299	CCLXXXIII. Homburg
300	CCLXXXIV. Homburg
301	CCLXXXV. Homburg
302	CCLXXXVI. Homburg
303	CCLXXXVII. Homburg
304	CCLXXXVIII. Homburg
305	CCLXXXIX. Homburg
306	CCLXXX. Homburg
307	CCLXXXI. Homburg
308	CCLXXXII. Homburg
309	CCLXXXIII. Homburg
310	CCLXXXIV. Homburg
311	CCLXXXV. Homburg
312	CCLXXXVI. Homburg
313	CCLXXXVII. Homburg
314	CCLXXXVIII. Homburg
315	CCLXXXIX. Homburg
316	CCLXXX. Homburg
317	CCLXXXI. Homburg
318	CCLXXXII. Homburg
319	CCLXXXIII. Homburg
320	CCLXXXIV. Homburg
321	CCLXXXV. Homburg
322	CCLXXXVI. Homburg
323	CCLXXXVII. Homburg
324	CCLXXXVIII. Homburg
325	CCLXXXIX. Homburg
326	CCLXXX. Homburg
327	CCLXXXI. Homburg
328	CCLXXXII. Homburg
329	CCLXXXIII. Homburg
330	CCLXXXIV. Homburg
331	CCLXXXV. Homburg
332	CCLXXXVI. Homburg
333	CCLXXXVII. Homburg
334	CCLXXXVIII. Homburg
335	CCLXXXIX. Homburg
336	CCLXXX. Homburg
337	CCLXXXI. Homburg
338	CCLXXXII. Homburg
339	CCLXXXIII. Homburg
340	CCLXXXIV. Homburg
341	CCLXXXV. Homburg
342	CCLXXXVI. Homburg
343	CCLXXXVII. Homburg
344	CCLXXXVIII. Homburg
345	CCLXXXIX. Homburg
346	CCLXXX. Homburg
347	CCLXXXI. Homburg
348	CCLXXXII. Homburg
349	CCLXXXIII. Homburg
350	CCLXXXIV. Homburg
351	CCLXXXV. Homburg
352	CCLXXXVI. Homburg
353	CCLXXXVII. Homburg
354	CCLXXXVIII. Homburg
355	CCLXXXIX. Homburg
356	CCLXXX. Homburg
357	CCLXXXI. Homburg
358	CCLXXXII. Homburg
359	CCLXXXIII. Homburg
360	CCLXXXIV. Homburg
361	CCLXXXV. Homburg
362	CCLXXXVI. Homburg
363	CCLXXXVII. Homburg
364	CCLXXXVIII. Homburg
365	CCLXXXIX. Homburg
366	CCLXXX. Homburg
367	CCLXXXI. Homburg
368	CCLXXXII. Homburg
369	CCLXXXIII. Homburg
370	CCLXXXIV. Homburg
371	CCLXXXV. Homburg
372	CCLXXXVI. Homburg
373	CCLXXXVII. Homburg
374	CCLXXXVIII. Homburg
375	CCLXXXIX. Homburg
376	CCLXXX. Homburg
377	CCLXXXI. Homburg
378	CCLXXXII. Homburg
379	CCLXXXIII. Homburg
380	CCLXXXIV. Homburg
381	CCLXXXV. Homburg
382	CCLXXXVI. Homburg
383	CCLXXXVII. Homburg
384	CCLXXXVIII. Homburg
385	CCLXXXIX. Homburg
386	CCLXXX. Homburg
387	CCLXXXI. Homburg
388	CCLXXXII. Homburg
389	CCLXXXIII. Homburg
390	CCLXXXIV. Homburg
391	CCLXXXV. Homburg
392	CCLXXXVI. Homburg
393	CCLXXXVII. Homburg
394	CCLXXXVIII. Homburg
395	CCLXXXIX. Homburg
396	CCLXXX. Homburg
397	CCLXXXI. Homburg
398	CCLXXXII. Homburg
399	CCLXXXIII. Homburg
400	CCLXXXIV. Homburg

Deržavin, Gavriil Romanovič,

Sočinenija Deržavina

Bd.: 3

Sanktpeterburg (1834)

P.o.rel. 3025-3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036268-8